

ГУЛАГ
GULAG

С фотоаппаратом по ГУЛАГУ

К истории коммунистического режима СССР

Александр Болонкин
Записки политзаключенного
New York, 1991

July 2007

К истории коммунистического режима в СССР

А.А. Болонкин

**Записки советского
политзаключенного**

(A.Bolonkin, Memoirs of Soviet Political Prisoner)

1991

Нью-Йорк

**Второе издание
Lulu 1999**

Об авторе

Д.т.н. Б. Кругляк

Александр Болонкин - ученый и правозащитник

В этой небольшой заметке я хочу коротко рассказать об удивительном человеке - Александре Александровиче Болонкине, его сложной и трудной судьбе как ученого и защитника прав обездоленных.

Родился он на Урале в г. Пермь и уже в детстве и юности проявил недужие способности. Начиная с 4-го класса: школа, авиатехникум, авиационный институт, аспирантура МАИ - а это 16 лет! - всегда был первым в своем потоке, имел только отличные оценки. В детстве увлекался авиамоделизмом, установил несколько Всесоюзных рекордов, превышал и Мировые достижения. За что был награжден серебряной и золотой медалями. В период учебы в институте постоянно награждался грамотами, премиями за научные разработки и был (студент!) отмечен в Приказе Министра Высшего Образования СССР. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации работал ведущим инженером в авиационном Опытно-конструкторском бюро Олега Антонова и начальником отдела надежности в ракетном бюро академика В.П. Глушко. Рассчитанные им АНы возили миллионы пассажиров, а ракетные двигатели поднимали спутники и космические корабли. Казалось, человек достиг всего, и осталось только наслаждаться жизнью.

Но получив доступ к сверхсекретной информации (у него был высший допуск - особо секретно - государственной важности) Александр стал понимать, что режим, которому он, подобно всем советским людям, служит, совсем не то, за что он себя выдает. Лицемерие и ложь пропитали все верха, железный занавес отгородил советский народ от всего мира и весь режим держится на обмане.

В это время (конец 60-х годов) в стране началось диссидентское движение. Академик А.Д. Сахаров, ряд ученых и писателей открыто потребовали демократизации советского общества, соблюдения прав человека, прекращения репрессий. Диссиденты очень нуждались в множительной технике, которая находилась под строгим учетом КГБ. К Александру обратились за помощью и он изобретает простой множительный аппарат. Этот аппарат мог изготовить любой из подручных средств. Сам он лично сделал 8 таких аппаратов и раздал диссидентским

группам. Только его группа на одном из таких аппаратов отпечатала более 150 тысяч страниц диссидентской литературы, включая произведения Сахарова, Солженицына, Роберта Конквиста *"Великий террор"*, подпольные журналы: *"Хроника"*, *"Демократ"*, *"Луч Свободы"*, *"Вече"* и др. Выпускали они и собственный журнал **"Свободная Мысль"**. Печатали статьи Болонкина, посвященные исследованиям уровня жизни в СССР и западных странах, выполнению (точнее провалам) пятилетних планов. Некоторые экземпляры его журнала и статей, попали за границу и были переопубликованы. Когда сотрудники КГБ стали находить при обысках у диссидентов не 1-2 копии, отпечатанные на машинке, а сотни экземпляров запрещенных изданий, ЦК КПСС забило тревогу. КГБ был дан строгий приказ: во что бы то ни стало найти "злоумышленников". А тут в июне 1972 года в связи с десятилетием повышения цен группой Болонкина в 8-ми районах Москвы были распространены 3500 листовок, отпечатанных на неизвестных КГБ аппаратах. Всесоюзное КГБ было поставлено на ноги. В сентябре 1972 года А. Болонкин и его группа были арестованы.

Следствие вел тогда никому неизвестный рядовой следователь московского КГБ Анатолий Трофимов. Болонкину вынесли приговор: 4 года концлагерей строго режима и два года ссылки, пообещав, что это только начало и он никогда не выйдет из тюрьмы. Слово свое они сдержали, вышел он только через 15 лет, в конце 1987г в начале перестройки. После его осуждения в 1974г по его делу было специальное постановление ЦК КПСС "Об усилении идеологической работы в МВТУ имени Баумана" (где он преподавал), а Трофимов быстро пошел в гору, став начальником следственного отдела по Москве и Московской области, и упрятал за решетку сотни диссидентов, включая таких известных правозащитников как С.Ковалев, Н.Щеранский, К.Любарский и многие другие.

Невозможно описать каким постоянным истязаниям, пыткам, издевательствам, избиениям, подвергался Александр Болонкин во время заключения. Более 3-х лет его продержали во внутривязательной тюрьме особого режима и свыше 400 суток (больше года!) практически раздетого в холодном карцере с обледенелыми стенами на 400 граммах черного хлеба и воде. Требовали одно - раскайся. Его имя стало известно за границей, о нем неоднократно передали радиостанции "Голос Америки" и "Свобода". Он был на учете в Амнисти Интернейшналь, в его защиту выступали академик Сахаров и видные ученые мира.

После освобождения Александр сразу же был выдворен за границу. У него отобрали жилье, лишили имущества, заставили заплатить 4000 долларов выкупа.

Поселился он в США. Четыре года работал в Главных лабораториях Военно-Воздушных Сил США в Дейтоне (Огайо), Эглин (Флорида) и два года в НАСА (NASA, DFRC, Калифорния) над важнейшими оборонными проектами США. Выступал на Международных Космических Конгрессах (1992, 1994, 1996, 2002 гг), два раза на Всемирных Авиационных Конгрессах (1998, 1999гг.) и много раз на Обще-американских научных конференциях в США. Вот некоторые темы его выступлений: Ядерный ракетный двигатель для космических аппаратов, Способ извлечения энергии в космосе из солнечного ветра. Он автор знаменитых книг: "Безракетные запуски и полеты в космос" (Non-Rocket Space Launch and Flight, Elsevier, 2006, 488 pgs.), "Новые концепции, идеи и инновации в аэропейс, технологии и науке о человечестве" (New Concepts, Ideas and Innovations in Aerospace, Technology and Human Life", NOVA, 2007, 300 pgs), "Человеческое бессмертие и электронная цивилизация" (Human Immortality and Electronic Civilization, Lulu, 2007). Он также автор более 170 научных работ и книг и 17 изобретений, многие из которых засекречены. Александр Болонкин является членом Совета директоров «Международного Космического Агенства» (International Space Agency) и председателем секции «Космические полеты».

Не отказывается он и от общественных обязанностей. Бывшие политзеки в 1990 году избрали его президентом «Международной Ассоциации бывших советских политзаключенных и жертв коммунистического режима». Под его руководством Ассоциация превратилась из маленькой американской группы, которая в начале насчитывала 25 человек в огромную организацию, имеющую более 30 тысяч членов, главным образом за счет присоединения Ассоциаций репрессированных России, Украины, Белоруссии, Прибалтики и др. стран. Ассоциация решительно выступает за права жертв коммунизма, против коммунистов всех мастей, требует «Нюренберг-2» над руководством КПСС, КГБ-НКВД за уничтожение 60 миллионов советских людей, справедливой компенсации жертвам коммунистического произвола. Она выступила против присвоения нынешними российскими властями высшего воинского звания генерал - полковника палачу диссидентов Анатолию Трофимову и назначения его замдиректора нового Российского КГБ-ФСБ. Не забывает о Болонкине и Трофимов. В конце 1995 года автомобиль Болонкина был взорван. Сам он чудом избежал смерти.

Российская газета "Известия" с иронией писала по поводу Болонкина и Трофимова: "Наша страна щедро делится талантами с Америкой: ненужное сплавляет за океан, нужное сохраняет".

Мне бы хотелось пожелать успеха этому выдающемуся ученому и правозащитнику, у которого коммунистические лагеря и тюрьмы отняли 15 лет творческой жизни. Более подробную информацию желающие могут

найти в книге "Русские в Америке", в статье В. Левина "Две жизни Александра Болонкина", журнал "Вестник" №№13-14, 1993г., либо в предлагаемой небольшой автобиографической повести ["Записки политзаключенного"](#).

Д.т.н. Борис Крукляк

Содержание

Предисловие	стр.
1. Советское благополучие	7
2. Включение в правозащитную деятельность	8
3. Листовки	13
4. Арест, следствие	14
5. Суд	16
6. Концлагерь ЖХ-389/17а	17
7. Концлагерная больница	21
8. Концлагерь ЖХ-389/19	23
9. ШИЗО и ПКТ	25
10. Концлагерь в Барашево	28
11. Путь в ссылку	31
12. Первая ссылка	32
13. Второй арест	42
14. Улан-Удэнская следственная тюрьма	43
15. Второй суд. Концлагерь ОВ-94/2	
16. Третий арест и фабрикация нового "дела"	51
17. Вторая ссылка	53
18. Карта некоторых концлагерей СССР	56

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 /по материалам радиостанции "Свобода". 57

1. Заявление "Амнисти Интернейшинэл".
2. Листовка Гражданского Комитета.
3. Обращение А. Болонкина к Н. Подгорному.
4. Обращение академика А.Д. Сахарова в защиту А. Болонкина.
5. Обращение Елены Боннэр и др. членов Московской группы "Хельсинки" в защиту А. Болонкина.
6. Из передачи радио "Свобода".
7. Валерий Рубин, "Александр Болонкину" /стихотворение/. 62
8. Михаил Литвин, Стихотворение.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Зверства коммунистического режима СССР. 66

Текст сканирован с книги. Извиняемся за возможные ошибки сканирования.

Александр Болонкин доктор технических наук, специалист в области авиастроения, ракетостроения, математики. Работал в опытно-конструкторских бюро О.К. Антонова, В.П. Глушко, преподавал в Московском авиационном институте, Московском авиационно-технологическом институте, МВТУ им. Баумана.

Автор более 150 научных трудов и 17 изобретений. В 1972г был арестован по обвинению в распространении произведений А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына и др. Пробыл 15 лет в советских концлагерях и ссылках. С началом перестройки в 1987г был освобожден и выслан за границу.

В настоящее время проживает в США.

К.п.н. Иван Мартынов

Александр Болонкин имел всё: интересную работу в самой престижной области - космической, ученую степень доктора наук, материальное обеспечение и прочее. Имел и отказался от этого, встав на путь борьбы с режимом в те годы, когда сроки конца этого режима были неизвестны. Встал на путь борьбы и лишился всего. В результате началась другая жизнь, жизнь политзаключенного со всеми страшными её сторонами.

Доктор исторических наук Владимир Гусаров

**"ДВЕ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА БОЛОНКИНА - УЧЕНОГО И
ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО"**

*/Из цикла передач Русско-американского радио в США /
/ 4-е передачи по 45 мин./*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Победа демократических сил в СССР в августе 1991г окончательно покончила с самым кровавым и страшным режимом в истории человечества, унесшим около 60 миллионов человеческих жизней. Скончался строй, построенный на сплошном лицемерии, лжи, попрании элементарных человеческих прав, кровавых репрессиях. Перестала существовать коммунистическая партия, провозгласившая себя светочем, знаменем и руководителем всех трудящихся. Ослабла и угроза построения "светлого будущего", "всеобщего счастья" в зараженном радиоактивным мире на костях всего человечества.

Мы должны помнить как начиналась и происходила эта борьба, помнить о муках, страданиях и отданных жизнях людей, которые, казалось, в

совершенно безнадежной ситуации, боролись и пытались что-то сделать по изменению существующего режима.

Это краткие заметки о моем пребывании в советских концлагерях и ссылках и я заранее прошу прощения у тех, о ком не мог упомянуть из-за ограниченности объема. Мои полные записи, конфискованные КГБ в 1982г, не возвращены мне до сих пор.

1. СОВЕТСКОЕ «БЛАГОПОЛУЧИЕ»

Я родился в г.Пермь и рос подобно большинству советских детей в обычной советской нищете. Мать работала уборщицей, отец погиб в 1936г в советско-японской стычке у Халхин-Гола. Жили в комнатке деревянного барака, как говорят нынче, с удобствами во дворе.

Начиная с 4-го класса я был отличником и рано увлекся авиамоделизмом, выступал на многих соревнованиях, установил ряд Всесоюзных рекордов и даже однажды превысил Мировое достижение.

В 1958г окончил Казанский авиационный институт со средним баллом пять и был направлен на работу в Опытно-конструкторское бюро О.К.Антонова (г.Киев), в котором быстро продвинулся до ведущего инженера-расчетчика летных данных. Принимал участие в создании самолетов от АН-8 до АН-124. Одновременно учился на механико-математическом факультете Киевского университета, а затем поступил в аспирантуру Московского авиационного института.

После защиты кандидатской диссертации в 1964г работал в Опытно-конструкторском бюро ракетных двигателей акад. В.П. Глушко, преподавал в Московском авиационном институте, Московском авиационном технологическом институте, МВТУ им. Баумана. В 1971г защитил докторскую диссертацию по кибернетике.

К середине 1972г опубликовал свыше 40 научных трудов и книг. Как ученый я видел много несуразностей и неполадок в советской системе, но не имея никакой информации, кроме официальной пропаганды, относил это к личным недостаткам отдельных руководителей и полагал, что цели социализма благородны, успехи значительны и с течением времени все станет хорошо, ведь компартия в 1962г еще при жизни нынешнего поколения обещала построить коммунизм к 1980г. От матери я слышал о страхе, в котором жило население в 30-ые годы, когда по ночам "черные воронки" забирали людей, но верил утверждениям коммунистов, что это сталинское отклонение, оно в прошлом и больше не повторится.

2. ВКЛЮЧЕНИЕ В ПРАВОЗАЩИТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 1970г я познакомился с Юрой Юхновец. Он рассказал, что был студентом МГУ. Его исключили за критические выступления и сейчас он работает грузчиком. Он рассказал кое-что о правозащитном движении в Союзе и предложил почитать некоторые самиздатовские материалы, в частности, **"Хронику текущих событий"**, - отпечатанные на пишущей машинке сборники с информацией о тайных репрессиях в СССР.

Честно говоря, я пришел в ужас от этих сведений, от жестокости, с которой "борцы за народное счастье", как провозглашали себя власть имущие, преследовали людей, высказывающих иные взгляды или просто обменивающихся неудобной властям информацией.

Вскоре Юхновец обратился ко мне с просьбой взять на временное хранение самиздатовскую и запрещенную литературу, которую он не мог хранить дома, т.к. был на учете в КГБ. Он привез ее целый чемодан и месяц я почти непрерывно читал, узнавая о деятельности партии и ее "выдающихся" и "благороднейших" вождей такое, от чего волосы становились дыбом и меркли все нацистские преступления. Воспитанный советской школой в духе борьбы за счастье трудящихся я увидел, что компартия и ее вожди являются самыми худшими врагами этих трудящихся, что идет самое грандиозное надувательство в истории человечества.

И я решил помогать правозащитному движению, чем мог. К этому времени Юхновец познакомил меня с преподавателем техникума Валерием Балакиревым, а тот со своим другом инженером-электриком Владимиром Шаклеиным. Оба они были на учете в КГБ, т.к. подписали ряд протестов против нарушения прав Человека в СССР.

Балакирев свел меня с геологом, ленинградцем Георгием Давыдовым и его женой Лерой Исаковой. Георгий уже попадался с запрещенной литературой и КГБ наказал соседям по квартире следить за ним.

Один из моих знакомых, знавший о моем интересе к запрещенной литературе, направил ко мне студента Сергея Заря, который также интересовался ею и, по его словам, ранее в своем родном городе был исключен из института за попытку создания нелегальной группы.

Я был неплохим фотографом и хорошо освоил репродуцирование (фотографирование) книг. К тому времени из-за границы в среду советской интеллигенции стали проникать крамольные издания. Стоили они невероятно дорого. Морякам заграничного торгового флота, туристам и командировочным стало выгоднее везти из-за границы не колготки и электронные часы, а политическую литературу. Конечно это было связано с большой опасностью, чем простая контрабанда, но и доход был выше. Достаточно было кому-то из интеллигентов занять 1-3 книги, как по принципу: ты мне дашь почитать то-то, а я тебе дам почитать

то-то, начинался процесс обмена литературой. Для нас этот процесс резко упростился. Обычно для внимательного прочтения толстой книги нужны недели. На такой срок давали неохотно (подобная литература была на разрыв!), но на 1-2 вечера получить любую книгу или самиздат можно было без особого труда. Этим занимался в основном Валерий Балакирев. Но и Юрий Юхновец также добывал немало литературы.

Получив книгу на несколько часов, они мчались ко мне, я тут же совал ее под репродукционную установку и перефотографировал за 1-2 часа. Знакомство с содержанием происходило часто после того, как книга уже была возвращена владельцу.

Таким способом мы изготовили фотопленки и отпечатки многих зарубежных книг, периодических изданий, самиздатовских материалов и подпольных журналов. Например, книгу Конквиста "Большой Террор", Авторханова "Технология власти", Джиласа "Новый класс", Марченко "Мои показания", Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма", зарубежные журналы "Посев", "Грани", "Вестник РСХД"; советские подпольные журналы: "Хроника текущих событий", "Свободная мысль", "Демократ", "Луч Свободы", "Вече" и др.

К этому времени Балакирев познакомился с сыном ответственного идеологического работника ЦК КПСС. И через него стал получать нелегальные типографские советские переводные издания зарубежных политических книг. В частности, я помню, мы заимели таким способом фотопленку и фотокопию книги Шиклинг Вилли "Хрущевская шарманка. Игра на нервах человечества". Перевод с немецкого. Издательство "Прогресс". 1964г, 114 стр. (о методах хрущевской пропаганды) и полное издание "Мемуаров" Де Голля. Последние позднее были изданы в СССР для населения с большими купюрами.

Подобным образом мы за короткое время составили весьма обширную библиотеку из сотен, если не тысяч запрещенных произведений.

Фотопленки были удобны и тем, что с них любой фотолюбитель мог изготовить сам нужное число отпечатков.

Разумеется прочитанное не бралось просто на веру. Что только возможно, я стремился проверить лично. В одном самиздатовском сочинении я встретил фразу о том, что первый пятилетний план не был выполнен. Как раз в это время у нас на кафедре математики и в МВТУ проходили торжественные собрания, посвященные успешному выполнению и перевыполнению очередного 1965-1970гг пятилетнего плана. Я взял газету 1965г с директивами на 1970г и газету начала 1971г с достигнутыми результатами. Из 47 упомянутых в плане показателей выполненными оказались только 3 второстепенных. Так выполнен (и даже перевыполнен) был план продажи населению мебели (в рублях). Составители отчета "забыли" только упомянуть, что этот пункт они "перевыполнили" за счет резкого повышения цены на мебель.

Многие важные пункты плана были выполнены всего на 15-20%, хотя в среднем по количеству продукции план был выполнен примерно на 50%.

Я удивлялся наглости властей и наивности населения. На торжественных заседаниях коммунистические функционеры вдохновенно твердили о грандиозных успехах, об успешном выполнении и перевыполнении планов пятилетки и ни у одного ученого мужа, не говоря уже о простых смертных, не возникало даже мысли взять и сравнить запланированные и достигнутые показатели! Впоследствии я убедился, что то же самое относилось и к любому советскому пятилетнему плану. Ни один из них не был не только перевыполнен, но даже выполнен хотя бы наполовину.

Особенно убийственными оказались проверки выполнения плана "Строительства коммунизма" к 1980г, принятые на 22-ом съезде КПСС в 1961г. Там были даны промежуточные показатели, которые планировалось достичь в 1970г. Ни один из них не был выполнен. Выполнение в лучшем случае не превышало 10-15%. А ведь эту "Программу строительства коммунизма" заставляли изучать не только всех студентов и учащихся страны, но рабочих и служащих буквально всех учреждений. И я не помню ни одного случая, чтобы кто-то пытался проверить утверждения об успешном выполнении и сопоставить запланированные и достигнутые показатели.

Второе, что я попытался проверить, это советское утверждение о невиданном росте благосостояния советского народа после "социалистической революции" и "потрясающей нищете трудящихся" в странах "прогнившего капитализма". В частности, коммунистическое утверждение о том, что после «революции» зарплата советских трудящихся выросла (к 1970г) в 180 раз (!!?) по сравнению с 1913г (Данные привожу по памяти). Какими бы бедными не были российские трудящиеся в 1913г, но они не умирали с голоду и рост зарплаты в 180 раз дал бы наивысшее благосостояние в мире. Здравый смысл подсказал мне, что для сравнения жизненных уровней достаточно сравнить зарплаты и цены на основные продукты и предметы первой необходимости.

Я попытался найти данные о зарплатах и ценах в США и западных странах в советской литературе. Но это был напрасный труд. Все советские источники были полны общих утверждений о нищете, безработице, отсутствии жилья в "странах капитала", но конкретные цифры начисто отсутствовали. После чтения советских источников приходилось удивляться, как до сих пор население так называемых капиталистических стран не вымерло с голода.

К этому времени я случайно узнал, что в библиотеке им.Ленина есть специальная комната 13, где выдаются закрытые для населения зарубежные книги, советскую литературу и журналы "для служебного пользования". Эта комната оказалась запрятанной на самом верху в

служебном отделе и добираться до нее приходилось длинными коридорами. В ней мне объяснили, что для пользования этой литературой необходимо специальное ходатайство руководства моего института с указанием темы исследования и разрешение на пользование спецфондом дается на один год.

Я оформил такое ходатайство на тему "Исследование роста благосостояния советских людей" и стал читателем "спецхрана". Здесь я выписал много закрытых статистических данных о состоянии здоровья населения СССР, о заболеваемости раком, туберкулезом, венерическими болезнями, психическими расстройствами, алкоголизме, наркомании и т.п. Данные о нехватке медицинского персонала, больничных мест, медикаментов, количество сумасшедших домов, так называемых "лечебно-трудовых диспансеров для алкоголиков" (т.е. трудовых концлагерей) и т.д.

Были также закрытые данные о ценах на колхозных рынках всей страны и закрытые отчеты командированных в другие страны.

К сожалению, данных о заработках и розничных ценах на предметы первой необходимости в зарубежных странах не было и здесь.

Но в конечном счете я достал иностранные статистические сборники, а также труды ООН, где эти данные имелись.

В итоге мною было написано большое исследование **"Сравнение жизненного уровня трудящихся России, СССР, и капиталистических стран"**, статьи **"Здравоохранение в СССР и зарубежных странах"**, **"К итогам 8-го пятилетнего плана 1966-1970"**, **"Сравнение итогов первого десятилетия "строительства коммунизма" с директивами 22-го съезда КПСС"**, разные информационные материалы.

Кроме того, совместно с Балакиревым я стал выпускать общественно - политический журнал **"Свободная Мысль"**, который с помощью mimeографа размножался в больших количествах. Один из номеров этого журнала попал за границу и был опубликован в сборнике **"Вольное слово"**, вып.7, Посев, 1973г.

Самиздатовские вещи, журналы в подавляющем большинстве были отпечатаны на пишущей машинке, копии их были слепые и трудночитаемые. Я понимал, что без приличной множительной техники правозащитное движение будет вечно обречено на забаву очень узкого круга мыслящей интеллигенции. Но где же взять множительную технику, если внутри страны даже пишущие машинки на ночь опечатывались, копировальные машины помещались в спецкомнаты и к работе на них допускались только проверенные КГБ сотрудники. Выход был один - множительную технику надо создавать самим, она должна быть легко изготавливаемой и достаточно производительной.

Я на долгое время засел в Ленинскую библиотеку. В советское время подобная литература, естественно, не издавалась, а предусмотрительный КГБ, разумеется, постарался изъять посвященные этому дореволюционные издания. Все же по крупицам в литературе, старым патентам мне удалось собрать необходимые сведения, а заодно и способы шифрования, тайнописи и конспирации. Эта информация была обобщена в самиздатской книге **Сухов "Простые методы размножения технической документации"**, а также в ряде самиздатских статей по методам размножения и статей по методам шифрования, тайнописи и конспирации.

Для практического применения мною фактически был заново изобретен и технологически отработан метод мимиографии очень простой и эффективный. На пропитанный парафином микалентной бумаге на пишущей машинке печатался текст. Полученная матрица накладывалась на чистый лист бумаги и по ней прокатывался валик с краской. Внизу получалась копия текста. Весь процесс получения оттиска занимал несколько секунд. Все компоненты этого процесса продавались в магазинах. Изготовить или купить фотовалики в магазине мог каждый. Правда качество оттисков было невысокое.

Я заказал 7 или 8 резиновых валиков одному из мастеров МВТУ затем снабдил и обучил Балакирева, Юхновца, Давыдова, Зарю, Шаклеина техникой пользования этими аппаратами. Аппарат был прост, практически он состоял только из резинового валика. Впоследствии при обыске у Георгия Давыдова в Ленинграде КГБ не обратил внимания на этот аппарат.

После изобретения аппарата "Хроника текущих событий", подпольные журналы, стали выходить не по 4-5 копий, а сотнями экземпляров только в нашей группе, не говоря уже о других. Мы также стали издавать общественно - политический информационный журнал **"Свободная мысль"**. Я начал издавать по частям свою книгу **"Сравнение жизненного уровня трудящихся царской России, СССР и капиталистических стран"**, а Балакирев затеял издание по частям перевод книги Р.Конквиста **"Великий террор"**. Раздавалось все это, разумеется, в основном бесплатно. А все основные расходы приходилось нести мне как наиболее состоятельному члену группы.

Заря даже снял для этой цели отдельную квартиру, привлек своего друга Рыбалко и организовал настоящую типографию. К сожалению, он действовал, в основном, из корыстных побуждений и тайно от нас продавал порой за значительную сумму литературу случайным людям. До момента ареста только нашей группой было размножено в общей сложности более 150 тысяч страниц запрещенной литературы и кадров фотопленок.

После того как по стране стали ходить отпечатанные на мимеографе подпольные журналы, книги, а при обысках у инакомыслящих стали изымать уже не единичные экземпляры, а целые тиражи запрещенной литературы, в советских верхах началась паника. Там прекрасно понимали, что на пишущей машинкой, где затратив колоссальный труд получаешь всего 4-5 копий, особой пропаганды не сделаешь. Но если без особого труда чуть ли не каждый может изготовить сотни и тысячи экземпляров, то эта, идущая снизу свобода печати, может в корне подорвать существующий режим. Был задействован весь КГБ и началась охота во всесоюзном масштабе.

К этому времени попал на учет в КГБ и я, правда, как простой читатель запрещенной литературы. В Ленинграде я показал кое-что из самиздатовских материалов В. Сенюкову - мужу сестры жены. Он очень заинтересовался, попросил кое-что перепечатать. Я дал при условии, что он не будет показывать это своей жене Валентине. К сожалению, он не сдержал своего обещания, показал ей, она потащила статью **"Дочь Деспота"** (о дочери Сталина Светлане) на работу, похвастаться перед подругой. Потом вспомнила, что у подруги дядя работает в КГБ. Прибежала домой и в панике все сожгла. Когда ее вызвали в КГБ, она сказала, что литература получена от меня. Мужу же ничего о вызове в КГБ не сказала. Когда вызвали его, якобы в соцстрах, то он также с перепугу заложил меня, но у него хотя бы хватило мужества позвонить мне в Москву и сказать об этом.

3. ЛИСТОВКИ

1 июня 1972г исполнялось 10 лет со дня крупного повышения цен на продукты питания. При этом повышении советские правители в 1962г. клялись, что это повышение временное, *"пройдет 2-3 года и цены будут сделаны ниже, чем были."*

Юрий Юхновец решил отпечатать и распространить листовки, посвященные этому событию. Я пытался его отговорить от этой затеи, но он был настроен решительно. Он попросил меня помочь составить текст (который он переделал по своему, внося в него вместо фактов эмоции) и отпечатать несколько вариантов. В общей сложности было изготовлено более 3,5 тысяч листовок.

В ночь на 1 июня 1972г. Юхновец с товарищами разбросал эти листовки по почтовым ящикам в 6-и районах Москвы. На другой день он передал информацию и образцы листовок Петру Якиру, а тот спустя несколько дней передал иностранным корреспондентам. 19 июня 1972г информация о распространении и содержание листовок была передана зарубежными радиостанциями.

Пожалуй это было самое крупное распространение листовок после 20-х годов. ЦК КПСС дало указание КГБ во что бы то ни стало найти виновных. Весь московский КГБ был поставлен на ноги.

Беседуя с Петром Якиром при вручении листовок, Юхновец сказал, что он связан с группой интеллигенции, располагающей множительной техникой, способной как снабжать этой техникой других так и выпускать в больших количествах подпольные журналы и книги.

В июле 1972г Якир был арестован. К сожалению, к этому времени он спился, уже не мог существовать без алкоголя. КГБ пообещал ему море водки, лишь бы он заговорил. И он наговорил 120 томов, в том числе и о нашей группе. Мой телефон был подключен на запись и я стал замечать за собой слежку.

4. АРЕСТ. СЛЕДСТВИЕ

В сентябре 1972г Георгий Давыдов возвращался в Ленинград из сибирской геологической экспедиции. Он дал телеграмму, что будет проездом через Москву и мы приготовили для него передачу.

27 сентября он заехал ко мне, набил полный рюкзак литературой, фотопленкой и отправился в аэропорт. До отлета самолета оставалось несколько часов и тут он сделал крупный промах, решив сдать рюкзак в камеру хранения и прогуляться по городу. Трудно сказать был ли за ним хвост еще с Сибири (в экспедиции наверняка следили за ним) или он подхватил (и не проверил) хвост от меня.

Во всяком случае кагебисты полезли проверить содержимое рюкзака, подпрыгнули от удачи. Они тут же арестовали Давыдова, спустя пару часов меня, Балакирева, Зарю с Рыбалко. На следующий день был взят Юхновец, а спустя пару дней разыскали в командировке и Шаклейна.

Обыск у меня длился около 10 часов. В нем участвовало 10-12 кагебистов под руководством следователя Горшкова С.Н. Помимо запрещенной литературы изъяли пишущую машинку и радиоприемник. Забавно, что хотя обыск был очень тщательный (перебирали каждую бумажку, простукивали стены, разбирали бытовые приборы и т.п.) ни один тайник не был обнаружен. Кроме того, (что было очень важно) мне удалось незаметно спрятать и записную книжку.

Около 2-х часов ночи меня вывели, посадили в легковую машину между здоровых двух кагебистов и отвезли в Лефортовскую следственную тюрьму КГБ. Здесь раздели до гола, прощупали каждую складку одежды, заглянули в зад. "И там запрещенную литературу ищите!" - не выдержал я. "Так положено", - ответила надзирательница.

После обыска меня отвели в темную одиночную камеру с железной койкой и столиком, зацементированными в пол, и небольшим зарешеченным оконцем под потолком, закрытым снаружи железными

жалюзями. Горшкова вскоре заменила бригада следователей под руководством Трофимова А.В., который занимался лично мной. Мне он напоминал крысу, готовую ради личной выгоды служить любому режиму будь то фашизм, нацизм или коммунизм. Лишь однажды вырвалась у него мысль, которая, видимо, беспокоила его. "Вот вы все говорите о невинных сталинских жертвах", - сказал он мне, - "А знаете сколько работников НКВД уничтожил Сталин?"

"Диктаторы, заметая следы, в первую очередь уничтожают исполнителей грязных дел", - ответил я. Больше он к этой теме не возвращался.

Иногда на допросах величественно появлялся начальник следственного отдела КГБ по Москве и Московской области Коньков Н.И., по габаритам и поведению напоминавший разжиревшую свинью. Из всех сотрудников КГБ, с которыми мне приходилось иметь дело, я не встречал ни одного интеллигента даже начального уровня. Эту роль пытался играть только начальник Лефортовской тюрьмы Петренко. Он любил вызывать подследственных инакомыслящих к себе в кабинет и распространяться о своем участии в знаменитом деле Рокотова (подпольное производство одежды), когда коммунистические правители применили обратную силу закона и казнили группу предпринимателей. Забавно, что надзиратели, уводя заключенных от Петренко, подвергали их тщательному обыску. Видимо, взаимная слежка проела систему КГБ сверху до низу. Мне пришлось слышать разговор двух кагебистов, когда один пригласил другого выпить. Тот ответил: *"С тобой выпьешь, а ты потом пойдешь и заложишь!"*

Здание КГБ в центре Москвы. Во внутреннем дворе есть специальная тюрьма куда привезли А. Болонкина.

Сидел я все время в 3-х местной камере со стукачами. В основном это были валютчики, крупные взяточники, лица, обвинявшиеся в грабеже

иностранцев и измене родины. Самым заметным среди них был Анатолий Грицай, обвинявшийся в пособничестве шпиону и попытке незаконного перехода границы. Выдав одного из крупных западных разведчиков, помогавшего ему в побеге на Запад, он отбывал свой срок в следственной тюрьме КГБ, занимаясь стукачеством, психологической обработкой, тем самым намотав срок многим людям.

Политических никогда не сажали в одну камеру. Питание было отвратительным, медицинской помощи практически никакой, полная изоляция от внешнего мира (только иногда газета "Правда"), сон на железных прутьях койки с тощим матрацем превращался в ночную пытку. Следствие длилось 9 месяцев. Трофимов был раздражен и постоянно попрекал меня: *"Вы что-то вспоминаете, когда вас припрешь фактами к стенке! Вот такой-то (он называл имя одного из членов группы) не успеешь задать ему вопрос, как он выхватывает из рук микрофон и все говорит!"*

КГБ изучало всю мою жизнь, стараясь помимо статьи 70-ой Уголовного Кодекса РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) пришить какое-нибудь уголовное преступление, перебрало 12 статей.: от занятия запрещенным промыслом (давал частные уроки), до измены Родине (Балакирев показал, что я, якобы, в случае ареста, готов рассказать иностранным корреспондентам советские технические секреты (интересно как это я мог сделать находясь в тюрьме КГБ?)). Однако несмотря на все усилия КГБ зацепиться за что-нибудь им так и не удалось. Практически я был чуть ли не единственным заключенным в политическом Мордовском концлагере, у которого была чистая 70-я статья без уголовных "довесков".

После 9-и месяцев следствия мне было вручено обвинительное заключение, состряпанное Трофимовым в виде одного предложения, примерно из 10 тысяч слов, где попирая русскую грамматику, все заголовки "антисоветских" документов писались с маленькой буквы. Ни одного факта клеветы из вмененных документов не приводилось. Все документы голословно были объявлены "антисоветскими, клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй". Забавно, что в число "антисоветских" и "клеветнических" попали даже мои выписки (с точным указанием источников) из решений прошлых съездов КПСС и Пленумов ЦК с обещаниями по повышению жизненного уровня народа. Поскольку указанные в них сроки давно прошли, то чтение этих документов вызывало смех. Когда я сказал Трофимову, как можно объявлять антисоветскими решения съездов КПСС, то он откровенно сказал: *"Болонкин, вы же умный*

человек! Зачем Вам надо было копаться в прошлых съездах. Есть новые съезды, новые обещания!"

5. СУД

Суд состоялся с 19 по 23 ноября 1973г, спустя 5 месяцев после окончания следствия, что само по себе было нарушением закона. В здании нарсуда Бабушкинского района Москвы под председательством судьи Лубенцовой В. Г. судили меня и Балакирева. Дела остальных были выделены в отдельные судопроизводства.

Вход, лестничные пролеты и коридоры были оцеплены сотрудниками КГБ. В зале десятков переодетых кагебистов изображали "публику". В зал "открытого" суда не была допущена даже моя жена. Академик А.Д.Сахаров трижды пытался попасть в зал заседания, но так и не смог.

В этот 1973г коммунистические правители во всю играли с Западом в разрядку, провели в Москве Конгресс миролюбивых сил, выступление с раскаянием Якира и Красина. Поэтому они так долго тянули с нашим судом и постарались спустить его на тормозах.

В решении суда говорилось: "В отношении подсудимого Болонкина судебная коллегия учитывает его активные действия при совершении преступления - изготовление множительных аппаратов для размножения в больших количествах антисоветских документов,... а также большое количество изготовленных, размноженных и распространенных лично им документов, нашла необходимым избрать ему меру наказания.. 4 года ИТК строго режима и 2 года ссылки". "Радиолу, радиоприемник "Спидола", фотоаппаратуру и пишущие машинки, - обратить в доход государства, как орудия преступления".

"В отношении подсудимого Балакирева судебная коллегия учла, что он как на предварительном следствии, так и в судебном заседании чистосердечно признал себя виновным, своим поведением способствовал всестороннему и полному раскрытию преступления и нашла возможным в порядке исключения применить к нему статью 44 УК РСФСР, избрав меру наказания не связанную с лишением свободы". Он был осужден условно на 5 лет.

Балакирев держал в своих руках все связи, КГБ по его показаниям открыл 12 новых дел и был очень этим доволен.

Заря и Рыбалко, как глубоко раскаявшиеся и способствовавшие раскрытию "преступления", были освобождены через 4 месяца следствия, Владимир Шаклеин на этом же основании был помилован (до суда!?) и освобожден в октябре 1973г. По его показаниям КГБ завел новое дело против троих членов его «Просветительного общества». В отношении Юхновца кагебистские "психиатры" дали заключение, что год назад (когда они его естественно не наблюдали и когда он распространял

листовки), он был невменяем (т.е. не отвечал за свои действия), а теперь он психически здоров и способен давать свидетельские показания. Его освободили и поставили на учет в психдиспансер, т.е. под угрозу помещения в тюремную психбольницу в любой момент.

Таким образом из всей арестованной московской группы в концлагерь был отправлен только я.

Из ленинградской группы были арестованы двое Георгий Давыдов и Слава Петров. Их процесс получил меньшую огласку и обошлись с ними более жестоко. Давыдову дали 5 лет концлагерей строгого режима, а Петрову 3 года. Хотя пунктов обвинения у них было в 4-5 раз меньше, чем у нас с Балакиревым.

6. КОНЦЛАГЕРЬ ЖХ-389/17а

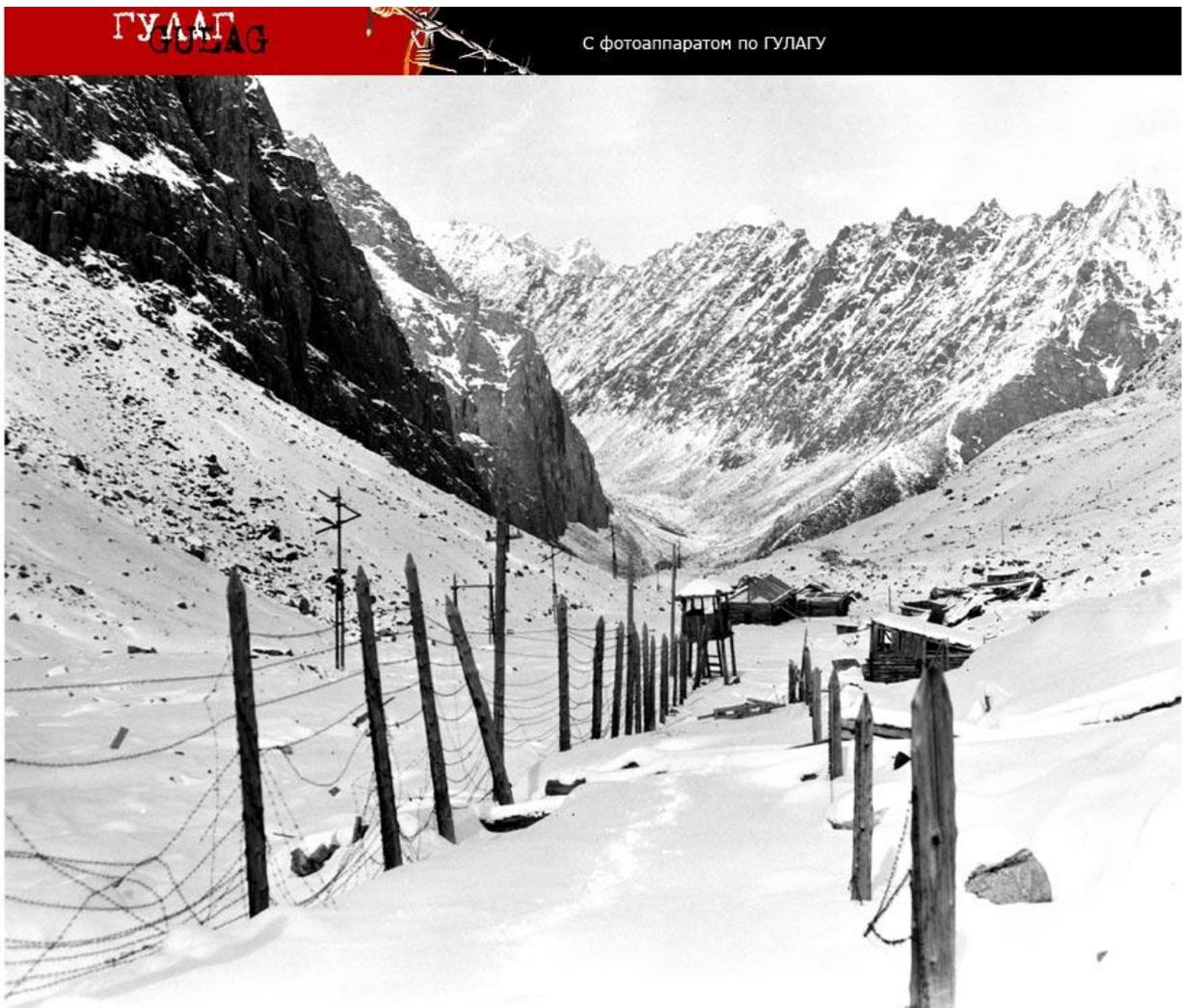
В феврале 1973г из Лефортовской тюрьмы КГБ меня отправили в Мордовский политический концлагерь. Перед отправкой подвергли тщательному обыску, отобрали все записи. Ночью в "черном воронке" привезли на заднюю часть двора Курского вокзала и после долгого ожидания в огромной толпе заключенных под лай собак и лязг автоматов погрузили в столыпинские вагоны. Здесь уже вагонная охрана вновь подвергла меня обыску, отобрала все что представляло ценность, избивала меня, когда я попытался возражать против грабежа, и как политзаключенного посадила в отдельную тесную камеру-купе.

В Потьме поезд остановился на высокой насыпи и при выгрузке охранники развлекались, пинком выбрасывая заключенного из дверей вагона и хохоча над тем, как он катился со своим сидором вниз по насыпи.

Восстановленный концлагерь №35 в Перми для политических заключенных.

Первый концлагерь, куда меня привезли, был расположен в поселке Озерный и зашифрован подобно важнейшему оборонному объекту под почтовый ящик ЖХ-385/17а. Впоследствии я убедился, что засекречивание расположения и шифровка под почтовые ящики относится ко всем концлагерям Советского Союза, включая уголовные. Политзэки встретили меня хорошо. Из русских здесь сидели Егоров, из украинцев Микитко Яромир, из евреев Миша Коренблит, Илья Глейзер, из прибалтов Роде Гунер, Алекс Пашилис, Вильчаускас Бротислав, из молдаван Граур Валерий, из армян Меликян Сурен и др. Здесь же я встретил и Славу Петрова. В концлагере было много участников национальных освободительных движений, религиозников, лиц осужденных за попытку побега и измену родине, полицаев.

Типичный советский концлагерь. Marble Canyon. Мабле Каньон. Фото Сергея Мельникова с <http://gulag.ipvnews.org> .

Главной задачей местного управления ГУЛАГа была добыча урана. Местные леса, уголь разрабатываются лишь для собственных нужд. О работе ученых, создававших первые советские атомные бомбы, сегодня известно почти все. О тех, кто добывал для них стратегическое сырье, - до сих пор неизвестно ничего.

Политзэки старались быстрее ввести меня в курс всех концлагерных дел и, в свою очередь, узнать от меня последние новости с "воли".

Работали 6 дней в неделю, шили рукавицы. Нормы для пожилых людей были трудно выполнимы и каждый год повышались на 10%. Питание как и во всех концлагерях скудное и однообразное (сечка, овес), постоянно ощущалась острая нехватка животных белков, жиров и витаминов. Но больше всего страдали от отсутствия информации. Наша попытка собрать самодельный радиоприемник окончилась неудачей из-за отсутствия деталей. Кроме того, постоянные внезапные обыски, иногда по несколько раз в день, делали эту затею очень опасной.

Нам приходилось довольствоваться официальным политчасом полуграмотных начальников отрядов, которые запинаясь читали по бумажке спущенные сверху доклады. Публично задавать им вопросы не разрешалось. Для этого надо было оставаться для беседы с глазу на глаз. Но объяснить даже прочитанное они не могли и желающих политически просветиться не находилось.

Миша Коренблит был участником знаменитого самолетного дела, когда группа евреев закупила все билеты на самолет и при помощи своего летчика, намеревалась улететь в Израиль. Алекс Пашилис и Роде Гунер выступали за отделение своих оккупированных республик, а кандидата биологических наук Илью Глейзера отправили в концлагерь просто за нежелание жить в СССР.

Особенно меня поразила судьба старообрядца священника Михаила Ершова, который так и умер в этом концлагере. Я читал его приговор и удивлялся как можно посадить человека за то, что он только молился и организовал молельный дом.

Койку мне выделили рядом с Владимиром Кузюкиным, бывшим офицером советской группы войск в Германии, осужденного, по его словам, якобы за антисоветскую литературу и работавшего на теплом месте мастера по ремонту швейных машинок. Доверенные ему мои записи оказались в КГБ, хотя он утверждал, что сжег их. Впоследствии он был обвинен в стукачестве и, кажется, освобожден досрочно.

Подружился я и со Славой Петровым. Он проходил по параллельному с нашим делу Георгия Давыдова в Ленинграде. Это был простой рабочий, помогавший Георгию в размножении литературы. Он получил самый маленький срок - 3 года. Самого Давыдова отправили в Пермский концлагерь. Слава рассказал, что к нему применяли психотропные препараты, вызывающие болтливость. Однако, судя по его приговору, много им узнать не удалось. Возможно, многого он и не знал.

В его приговоре к своему великому изумлению в числе свидетелей я встретил и себя, хотя до этого я его вообще не знал, а когда меня спросили на их суде (его судили вместе с Георгием Давыдовым), то

заявил, что вижу Петрова впервые. Я написал резкий протест в Верховный Суд РСФСР, где обвинил их в фабрикациях и потребовал вычеркнуть меня из числа свидетелей, поскольку *"я не хочу вместе с судьями сидеть на Нюрнбергской скамье подсудимых для фашистских преступников"*. Никакого ответа я не получил.

Слава не унывал в самых трудных ситуациях. Помню (по согласованию с нами) он подал заявление начальнику отряда Пятаченко, что хочет вступить в СВП (Секция внутреннего порядка -холуйская организация, созданная администрацией для террора и стукачества). КГБ и руководство концлагеря было в растерянности, допустить явного антисоветчика слушать инструкции стукачам было невозможно. Ему вежливо отказали, как не доказавшему своего исправления.

Концлагерь сильно подорвал его здоровье и в 1989г Слава скончался, оставив парализованную мать.

Граур Валера был участником группы, требовавшей возврата Молдовии Румынии. Они связались с румынским руководством. Два года те выжидали, а затем выдали их советскому КГБ.

7. КОНЦЛАГЕРНАЯ БОЛЬНИЦА

Через пару месяцев ввиду резкого ухудшения здоровья меня отправили в концлагерную больницу в Барашево, где я пробыл до ноября 1974г. Больница была важным узловым пунктом, куда временно привозили больных политзаключенных со всех Мордовских и даже Пермских политических концлагерей. Здесь мне пришлось близко познакомиться с такими замечательными людьми как организатор знаменитого самолетного побега Эдик Кузнецов, руководитель "Всероссийского Христианско-Демократического Союза" Игорь Огурцов, украинский поэт Василий Стус и др.

Во время пребывания в больнице я проводил большую координационную работу по организации одновременных голодовок и протестов по всем концлагерям, по обмену информацией, обучению политзаключенных методам тайнописи, шифрования, связи и передачи информации на волю. Наиболее важной акцией была организация впервые Дня Советского Политзаключенного и одновременной голодовки в связи с этим днем во всех политических концлагерях СССР. Где-то в сентябре 1974г в больницу на короткое время привезли с особого (тюремного) режима (Сосновка, ЖХ-389/1-6) Эдика Кузнецова. Держали его в камере, лишь на короткое время выпуская раз в день на прогулку. И хотя кругом была масса стукачей, я встретился с ним, обсудил эту идею и в качестве Дня Советского Политзаключенного он предложил 30 октября. Об этом я сообщил по всем концлагерям. Было передано сообщение также на волю. Эта дата была объявлена академиком Сахаровым и зарубежными

радиостанциями. Голодовки, обсуждения и требования статуса политзаключенного состоялись во всех политических концлагерях.

Познакомился я в больнице со многими политзаключенными. С украинцем Матвиюк Кузьма, а также молодым парнем, бывшим студентом университета Попадюк Зарян. Были здесь на лечении и политзеки с особого режима как Осадчий Михаил, много рассказывавший о кровавом подавлении восстания заключенных на Колыме.

Трупы убитых сваленные в телегу. На такой телеге привозили трупы в больничный морг из соседних уголовных концлагерей и надзиратель требовал, чтобы А. Болонкин выгружал их.

Естественно, такие акции как организация Дня пз/к, а также активизация жизни политзаключенных, утечка информации о положении в концлагерях, не могли пройти бесследно. В ноябре по приказу начальника КГБ при Мордовских политлагерях Владимира Дротенко, меня схватили, перебросили в концлагерь ЖХ-389/19 в п.Лесной и началось бесконечное мотание по карцерам (ШИЗо) и так называемым ПКТ (внутрилагерные тюрьмы особого режима). Формально для этого использовали мой отказ грузить трупы из морга. Что только я не нашел в рапорте на эту тему. Оказывается администрация постоянно заботилась обо мне, поместив меня в больницу и заодно заставив работать кочегаром в тюремной бане, проводила со мной большую политико-воспитательную работу, объясняя блага коммунизма, а я, неблагодарный, не только не встал на путь исправления, но и отказался грузить трупы на телегу.

Кое-что мне удалось сделать на больнице для пз/к и в чисто бытовом отношении - отремонтировать и прочистить отопительную систему бани,

которая не ремонтировалась и не чистилась наверное несколько десятилетий и в бане был дикий холод.

Тяжело было видеть как страдают и мучаются люди в больнице, где все "лечение" носило формальный характер. Особенно я переживал за украинского поэта Василия Стуса, с которым мы стали близкими друзьями. Он имел развитую язву желудка, испытывал постоянные боли, очень мучался, нуждался в лекарствах. Ему отвечали, что нужных лекарств нет и в то же время отказывались передать медикаменты, которые ему присылали или привозила жена, даже такие болеутоляющие как викалин.

8. КОНЦЛАГЕРЬ ЖХ-389/19

Концлагерь ЖХ-389/19 в п.Лесном был в несколько раз больше, чем ЖХ-389/17а. В основном здесь производились деревянные корпуса для часов - ходиков образца прошлого века. Я их давно не видел даже в СССР и удивлялся кому нужны эти древности в наш электронный век. Здесь я познакомился со многими замечательными людьми, ставшими моими друзьями как Паруир Айриkyан, Сергей Солдатов, Владимир Осипов и многие другие.

С Паруиром Айриkyаном мы провели многие дни и месяцы вместе в камерах ШИЗо (по официальной терминологии штрафной изолятор, а проще говоря - карцер) и ПКТ (официально - помещение камерного типа, а по сути внутрилагерная тюрьма особого режима) и стали большими друзьями. Он поражал меня своей стойкостью, мужеством и беззаветной любовью к Армении. Его авторитет безоговорочно признавали все политзаключенные - армяне. Этого человека не могли сломить ни пытки, ни издевательства кагебистов. Его знала вся Армения и многие выдающиеся деятели культуры Армении, рискуя своей карьерой, писали ему письма.

Сергей Солдатов был основателем Демократического Движения в Эстонии в брежневские времена. Я подозреваю даже, что он был автором или соавтором **"Программы Демократического Движения Советского Союза"** - документа, размножение и распространение которого было вменено и нашей группе, по-видимому, он был участником издания подпольного журнала **"Луч Свободы"**, а также многих других основополагающих документов, как, например, **"Меморандум Демократов Верховному Совету СССР"**, распространение которого фигурировало в нашем приговоре. Это был глубоко эрудированный человек, имевший обширные знания в политике и истории, идеолог по складу мышления.

Володя Осипов отбывал срок за издание журнала **"Вече"**, размножение которого входило также и в наше обвинение. Это истинно русский, глубоко религиозный человек, отстаивавший идеи славянофилов, русского самосознания, близкий по своим убеждениям к идеям А.И. Солженицына и постоянно выступавший в защиту последнего в своих статьях.

В концлагере было много евреев, требовавших выезда в Израиль, например, известный писатель Михаил Хейфиц, участник ленинградского самолетного дела Каминский Лассаль, участники Демократического Движения (как, увезенный в другой концлагерь незадолго до моего прибытия, Кронид Любарский, о котором ходили целые легенды), участники освободительных движений Украины и Прибалтики, националисты почти всех республик СССР. В политическом концлагере, как в калейдоскопе, были представлены почти все типы подпольных течений и брожений в Советском Союзе от монархистов до "истинных" коммунистов и коммунистов - "ленинцев".

К сожалению, малый объем брошюры не позволяет остановиться на них и даже просто перечислить имена многих прекрасных людей, с которыми пришлось встречаться. Большинство из них были яркими противниками существующего режима. В трудных условиях концлагеря и кагебистского террора многие дружили и всячески помогали друг другу, проводили совместные акции, выступали в защиту преследуемых, объявляли голодовки, когда кого-то начинали терзать особенно беспощадно.

Я вспоминаю как было приятно, когда после очередного 15-суточного голодного пребывания в холодном карцере меня выпускали на короткое время в жилой барак и друзья, которые в это время работали в производственной зоне, оставляли мне продукты и открытки с теплыми словами.

Кроме политических в Мордовских лагерях отбывали свой бесконечный срок много полицаев, сотрудничавших с немцами во время войны, лица, обвинявшиеся в измене родины (например, Юрий Храмцев), дипломаты - перебежчики (Сорокин, Петров) вернувшиеся под "твердое" обещание советского правительства, что им ничего не будет, религиозники (Евгений Пашнин) и уголовники, поверившие в легенду о чудесных условиях в политическом концлагере, ставшие "политическими", обматерив советскую власть, и переведенных из уголовных лагерей.

Многие из них быстро становились стукачами КГБ. Из политических никто с ними не общался и единственное, что они могли доносить, это кто что делает, и с кем встречается.

Дело доходило до того, что когда я шел ночью в туалет (все "удобства", конечно, располагались вне барака, во дворе), то кто-то из стукачей также поднимался.

Уголовники же ставшие "политическими" быстро убеждались, что условия в политическом концлагере намного хуже, чем в уголовном, поскольку он был полностью изолирован от внешнего мира и администрация настолько была запугана КГБ, что отказывалась вступать с уголовниками в обычные бытовые махинации.

Даже начальник моего отряда, разговаривая со мной в своем кабинете, как-то обронил: "Я надеюсь, что в моем кабинете нет микрофонов КГБ".

Мои письма родным и друзьям постоянно конфисковывали как клеветнические. Иногда по полгода я не мог отправить ни одного письма. И тогда я проделал такой эксперимент. В скудной лагерной библиотеке было полное собрание сочинений Ленина. По мысли КГБ труды создателя КПСС могли помочь политзаключенным понять как прекрасна коммунистическая власть и как глубоко они заблуждались. Я взял том переписки Ленина, стал переписывать его письма к Горькому, Крупской, Арманд и др. деятелям и подавать в цензуру как СВОИ. В этих письмах не было изменено ни слова. Некоторое длинные письма были только сокращены или опущены имена. И ни одно письмо Ленина не было пропущено цензурой. Все они были конфискованы как "антисоветские", "клеветнические", "циничные". В итоге меня потащили к психиатру, т.к. по мнению КГБ такие письма мог написать только псих. От заключения "невменяемый" меня спасло признание, что все мои отправления - копии писем незабвенного Ильича.

Иногда из союзных республик присылали воспитательные делегации, для рассказов о замечательной жизни советских народов. Айрикан так разагитировал свою делегацию, что к нему перестали их больше посылать. Ко мне прислали однажды агитатора из Московского горкома КПСС. Для создания "задушевной" обстановки он явился с угощением. Я знал, что на угощение каждого политзэка агитаторам каждый раз выдается около 3 рублей. Подсчитав стоимость принесенного, я спросил, а где же остальные 2 рубля, чем привел этого коммуниста в большое смущение. Задушевной беседы с любителем поживится, даже за счет голодного зэка, не получилось.

Мой приговор по объему (около 20 стр. плотного текста) был самым большим из всех приговоров политзаключенных, находившихся в то время в Мордовских концлагерях, даже больше, чем у десятка других произвольно взятых пз/к. Он включал более 40 пунктов обвинения, причем в каждом пункте перечислялось иногда до 5 названий написанных, размноженных или хранившихся документов и сотни размноженных экземпляров. Мне удалось вывезти его из Лефортовской тюрьмы КГБ и познакомить с ним многих политзэков. Удалось вынести этот уникальный

документ и при освобождении. Сейчас он передан в одну из американских библиотек.

Было много интересных инакомыслящих и прекрасных людей в этом большом Мордовском политическом лагере. Это Федор Коровин, Артем Юшкевич, Герман Ушаков, Азат Аршакян, украинцы Василь Овсиенко, Василь Лисовой, молодой стойкий парень Равиньш Майгонис и др. Были интересные люди и среди беглецов, "изменников", участников освободительных движений, "власовцев", религиозников. К сожалению, в этих кратких заметках нет возможности остановиться даже коротко на тяжелой судьбе этих людей, перенесших столько страданий и мук за свое инакомыслие, нежелание жить в коммунистическом раю, религию или борьбу за свободу своих республик.

9. ШИЗО и ПКТ

Политические акции, выступления, протесты, голодовки следовали друг за другом. О многих из них становилось известно в тот же день не только диссидентам, оставшимся на воле, но и зарубежным радиостанциям. КГБ получил очередную взбучку от ЦК и начал метаться в поисках информаторов, изолировать подозреваемых. В общей сложности меня продержали в ШИЗО 110 суток и в ПКТ 9 месяцев.

Карцер по сути дела представлял собой камеру пыток, где заключенный не столько страдал от голода (хотя дело и доходило до полного истощения и голодных галлюцинаций), сколько от холода. Дело в том, что сажали туда в тонкой хлопчатобумажной арестантской одежонке, разумеется без постели и топили так, чтобы держать температуру пониже. Деревянные нары отстегивали от стены только на 8-мь ночных часов. Озноб изводил истощенный организм зэка. Особенно тяжело было ночью. Приходилось вскакивать по 5 - 10 раз, делать упражнения, чтобы хоть немного согреться. Уснуть на жестких сучковатых нарах с железными болтами даже в тепле было бы трудно. Все питание состояло из 450 гр. черного непропеченного хлеба. Веками не мытая огромная железная параша издавала "ароматы", из-за которых было трудно дышать.

В ПКТ было несколько лучше. На 8 ночных часов там выдавали постель, а в обед миску жидкой баланды. Работа заключалась в ручном шлифовании деревянных футляров для часов - ходиков и давала администрации повод наказать Вас в любое время за "невыполнение нормы". Ваши футляры не засчитывали как, якобы, отшлифованные недостаточно тщательно.

Одним из поводов для очередной отправки в карцер послужил отказ дать КГБ "нужные" показания на Андрея Твердохлебова. Более того, с приехавшим по его делу следователем, я повел себя дерзко, после долгих

препирательств настоял, чтобы показания я писал собственноручно и написал в них какой замечательный человек Андрей, что дело его сфабриковано КГБ, что мы политзеки очень благодарны ему за его правозащитную деятельность, что в СССР попираются Права Человека и т.п.

"Хорошая" камера ШИЗО. Она имеет маленький умывальник и затычку туалетного отверстия. Не видно также торчащих болтов на откидных нарах (Пермь №36). В камерах, где более года (400 суток) продержали Болонкина, в качестве туалета использовалась огромная железная никогда не мытая вонючая параша с засохшими фекалиями.

После таких "показаний" меня сразу же поволокли в ШИЗО. Как я узнал позднее они так и не были включены в дело Твердохлебова, в котором следователь указал, что я, якобы, отказался дать показания.

Вообще я был единственным доктором наук в Мордовских политических лагерях в те времена и приезжавшее начальство водили в ШИЗО как в зоопарк показывать меня как некоего диковинного зверя. Помню одного генерала из Министерства Внутренних Дел, который никак не мог понять, чего же мне не хватало при советской власти и с которым я сцепился (словесно, разумеется) у себя в камере; полковника из МВД, «специалиста по замкам», после посещения которого на мою камеру повесили шестой замок.

Не раз появлялся и республиканский прокурор, один раз даже с претензией: *"В прошлом году из Мордовских ИТК поступило около 650 жалоб. Из них 440 написали вы, 168 Айрикан и 42 остальные заключенные. В чем дело? У меня не хватает сотрудников писать вам ответы"*.

Конечно, все эти жалобы на безобразия администрации концлагеря были бесполезны, как и требования соблюдения хотя бы куцей советской

законности. Лишь однажды нам удалось добиться небольшого успеха. В караульном помещении ПКТ я увидел на стене "Нормы питания заключенных", в которых было указано, что нам, якобы, ежедневно выдается 30 грамм мяса. Вывешено это было для разного рода комиссий. Я стал писать во все инстанции спрашивая, где же это мясо? Какие только идиотские ответы не приходили, что мясо с костями, что оно уваривается на 60%. В конечном счете начальство плюнуло и скрепя сердцем стало выдавать зэкам в ПКТ мизерный кусочек с кончик пальца (как они утверждали 16 грамм после "уварки"), который не хватило бы и мышке. Но если Вы истощены до предела и не видели мяса много лет, то и такой кусочек способен доставить вам минуту наслаждения. Последующие поколения узников ПКТ были благодарны нам за эту маленькую победу.

Конечно, много *было* и таких политзаключенных, которые считали, что лучше сидеть тихо, не раздражать КГБ, не попадать в ШИЗО и ПКТ, не подвергать тем самым себя мучениям, сохранить здоровье. В большинстве своем это были люди, ставшие "политическими" случайно за неосторожную критику режима, чтение "пикантной" литературы, а то и просто за разногласия с начальством. КГБ, оправдывая свое существование, давал "вал", хватая порой кого попало. Но я думаю, что борьба истинных политзаключенных имела большой смысл. В конечном счете, творимые в политических концлагерях безобразия и пытки предавались гласности и будоражили мировое (а через зарубежные радиостанции и советское) общественное мнение. Недаром в концлагере все вертелось вокруг одного вопроса: КГБ стремился полностью изолировать нас, а мы довести информацию до воли.

В политических концлагерях была не только интеллигенция. В ПКТ мне пришлось долгое время сидеть с рабочим Петром Сартаковым. Он описал свое пребывание в сталинских концлагерях и пытался передать его американцам. За что и получил свой срок. Он тянулся к знающим людям, стремился расширить свой кругозор, пополнить образование.

10. КОНЦЛАГЕРЬ В БАРАШЕВО

В конце 1975г во время короткого пребывания в лагерной зоне патруль застал меня за составлением перечня махинаций, хищений и воровства администрации концлагеря. Руководство встревожилось не на шутку. Ведь это уже касалось их собственной шкуры. Врач Сяксясов, встретившийся мне в тот вечер с двумя бидонами краски, воскликнул: "Не хватало только, чтобы и я попал в ваш список". На следующий день в присутствии надзирателей мне дали 5 минут на сборы, тщательно обыскали и отправили в концлагерь Барашево. Здесь среди огромных

уголовных концлагерей была небольшая политическая зона, где держали особо опасных политических преступников.

Из политических заключенных этого концлагеря наибольшее впечатление производил Вячеслав Черновол.

Мы много беседовали о положении, обсуждали разные мероприятия, принимали участие в совместных акциях, делились куском хлеба. Как бывший журналист он хорошо знал жизнь, историю и культуру Украины, любил ее и был прирожденным политиком с широким кругозором и глубоким пониманием исторических процессов. Не сосчитать сколько часов мы провели в беседах, кружа по внутреннему периметру колючей проволоки. Я не слышал ни об одном случае побега из советского политического концлагеря, но всегда удивлялся той огромной сложной и дорогостоящей системе охраны советских концлагерей. Сначала шли два ряда колючей проволоки, снабженной сигнализацией. Затем вспаханная полоса. Потом высокий сплошной забор с колючей проволокой наверху. Затем еще один такой же забор. Между заборами убивающая система высокого напряжения и вышки с автоматчиками. Затем снова колючая проволока "путанка", чтобы нельзя было подойти к концлагерю и снаружи.

Слава рассказал случай, когда КГБ пытался подслушать его разговоры со Стусом, который ранее также был в этой зоне. Стуса вызвали на вахту и предупредили, чтобы он готовился завтра на этап. У него отобрали телогрейку якобы для обыска, а взамен временно выдали другую. Естественно, в тот же день они стали обсуждать со Славой свои и общественные планы, передавать линии коммуникаций, договариваться о способах связи. Слава выразил удивление по поводу замены телогрейки, стал ее прощупывать и обнаружил в ней микропередатчики с горошину величиной. Они тут же их повыдирали и закопали в землю. Спустя несколько минут примчались кагебисты и отобрали телогрейку. Он показал мне и место захоронения микрофонов.

В этом концлагере нам со Славой удалось услышать суд над двумя бывшими кагебистами **Браверманом и Пачулия**. Браверман был начальником следственного отдела КГБ Ленинграда и Ленинградской области. Пачулия начальником КГБ Абхазии. Оба были ближайшими сподвижниками Берия. Причем Браверман был представлен к званию генерала. Когда Берия был объявлен "империалистическим шпионом" и врагом народа во время хрущевского разоблачения "культы личности", оба были осуждены за пытки и убийства подследственных.

В концлагере оба стали стукачами и заняли теплые места. Пачулия стал библиотекарем, Браверман - служащим в конторе. Поскольку даже полицаи презирали с ними общаться, не говоря уже о политических, они вынуждены были общаться только друг с другом и усердно строчили

Лауреат Нобелевской Премии Академик **Андрей** Дмитриевич **Сахаров** - создатель водородной бомбы и защитник Прав Человека.

Вячеслав Черновил - был кандидатом в Президенты Украины, когда она получила независимость. Погиб в странной авто-катастрофе.

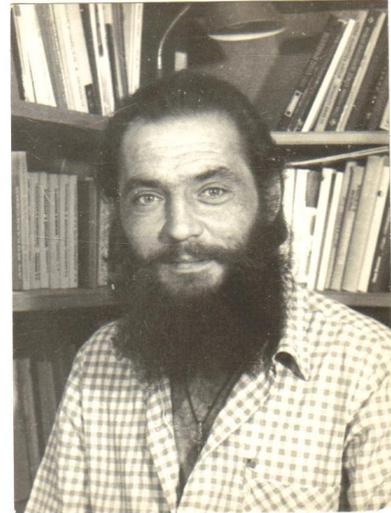
Василий Стус - знаменитый украинский поэт. Был кандидатом на Нобелевскую Премию. Замучен в советских конц-лагерях.

Сергей Солдатов - автор "Программы Демократического Движения СССР"

Игорь Огурцов - создатель "Христианско-Демократического Союза" в Ленинграде.

Вячеслав Петров - рабочий из Ленинграда.

Эдуард Кузнецов - писатель. Редактор газеты "Вести" в Израиле.

Илья Глейзер - биолог.

Паруир Айрикян - партийный лидер. Был кандидатом в Президенты Армении.

друг на друга доносы, утверждая, что тот другой неверно понимает очередное постановление ЦК КПСС.

Суд приехал для пересмотра дел, главным образом, кагебистов. Мы со Славой, конечно, уселись в первом ряду. Начальство нас выгнало сколько мы не протестовали, доказывая, что на "открытом" суде могут присутствовать все желающие.

К счастью, каптерка для кипятка, примыкавшая к бараку, была отделена от зала суда только фанерной перегородкой и пробравшись туда, мы могли слышать все происходящее.

Волосы становились дыбом, когда мы слышали, что же творили эти "стражи законности". Пачулия додумался даже до того, что людей бросали в ямы на съедение крысам. И судили их не за фабрикацию дел и пытки, а за убийства подследственных. Причем Пачулия оправдывался тем, что строил дорогу на дачу Сталина, на которую тот так ни разу и не приехал.

Браверману скостили срок за "исправление" и "хорошее поведение". Пачулия, несмотря на блестящие характеристики администрации концлагеря, уменьшить срок отказались только по личному требованию Георгадзе (секретаря Верховного Совета СССР), поскольку Пачулия замучил его близких родственников.

11. ПУТЬ В ССЫЛКУ

По заведенному КГБ порядку за полгода до освобождения меня вновь бросили во внутривагонную тюрьму в ЖХ-385/19. Делалось это для того, чтобы свежие концлагерные новости не выходили за колючую проволоку и применялось КГБ по отношению к тем, кого они считали особенно опасными.

В день вывоза многие заключенные побросали работу и собрались у щелей внутривагонного забора, отделявшего ПКТ от производственной зоны. Каждый старался крикнуть на прощание добрые пожелания, просьбы, новости. Я узнал голоса Сергея Солдатова, Володи Осипова, Артема Юшкевича и др.

Но, отбыв концлагерный срок, я шел не на свободу. Впереди был тяжелый месячный этап в Сибирь по пересыльным тюрьмам чуть ли не всего Союза. Даже место ссылки держалось в секрете. Мне было заявлено, что везут меня в Иркутск и только по прибытии выяснилось, что привезли в Бурятию.

Весь этот этап вспоминается как сплошной кошмар. Перебрасывали от одной пересыльной тюрьмы к другой. Потьма, Челябинск, Новосибирск, Иркутск, Улан-Удэ. Везли в столыпинских вагонах медленной скоростью по 2-4 дня на каждом перегоне. В купе без окон, отгороженном от коридора железной решеткой и рассчитанном в нормальных вагонах на 4-х

пассажиров, набивали по 20-25 человек. В дороге не кормили по двое - четверо суток. Перед этапом выдавали кусок хлеба, селедку и чайную ложечку сахара. Выдавали воду или выводили в туалет в лучшем случае раз в сутки, причем, не когда хочется, а по расписанию. Из-за тесноты спать часто приходилось сидя, поскольку все лежачие места занимали блатные.

Мат, вонь, обыски, грабеж уголовников и охраны сопровождали каждый перегон.

Впрочем и в самих пересыльных тюрьмах было не сладко. При перевозке от станции к тюрьме и обратно в черные воронки набивали заключенных буквально битком по 20-30 человек. Если учесть, что 2/3 внутреннего кузова отгорожено для автоматчиков и 2-х одиночных камер, то приходится удивляться как можно поместить столько народа (с котомками) в глухой железный ящик площадью 4 кв. метра. Этот ящик был без единой щели и в него почему-то всегда проникали выхлопные газы двигателя. К тому же некоторые молодые уголовники и блатные начинали курить махорку. Я обычно уже через минуту задыхался, меня начинало рвать и я часто терял сознание. Путь в воронке иногда длился по несколько часов, не считая часов, которые уходили на передачу заключенных от поездной охраны - охране воронка и затем охраной воронка - тюремной администрации. Каждого выкликали по одиночке, спрашивали имя, отчество, статью, срок, сверяли с фото на запечатанном сопровождающем деле, делали обыск.

В одной из пересыльных тюрем после приема меня заперли в маленький стоячий бокс, стены которого были обиты железом, напомиравшем крупную терку. После тяжелого этапа я еле держался на ногах. Но должен был стоять строго вертикально, ибо при малейшем отклонении острые шипы впивались в тело. Невозможно было даже постучать в дверь, ибо она была также обита таким железом. Всю ночь дикие вопли, звон разбиваемого стекла, неслись из соседней камеры, там охранники избивали заключенного, перед рассветом он сошел с ума.

Только утром почти в бессознательном состоянии меня выпустили из камеры, надзиратели хохотали ("Ты у нас как Ленин") и отвели в камеру. На мой вопрос начальнику, почему это не сделали вчера, как с другими, он ответил: "Забыли".

В другой раз меня поместили в одиночку ШИЗО с выбитыми стеклами. Снег задувало прямо в камеру и я чуть не замерз совсем.

В одной общей камере туалет был сделан в виде трубы под потолок. Забираться туда надо было по лестнице и во время оправки все остальные могли не только "наслаждаться" запахом, но и наблюдать снизу всю процедуру. О таких мелочах как раздевание до гола перед сотрудницами тюрьмы на предмет обыска или поиска свежих наколок я уже и не говорю.

12. ПЕРВАЯ ССЫЛКА

В 1976т после отбытия 4-х -летнего заключения в политических концлагерях строгого режима меня привезли в ссылку в Сибирь в поселок Багдарин Бурятской АССР и сдали в местное отделение милиции. Здесь после ночи в камере предварительного заключения (КПЗ) выставили на улицу без жилья, средств к существованию, в арестантской одежде. Холода стояли уже сильные, как-никак Сибирь и конец октября и мне милостиво разрешили спать и есть вместе с бичами, ханыгами и хулиганами, арестованными на 15 суток.

Деревянная избушка для них, видимо, бывшая деревенская баня, находилась в закрытом дворе милиции и была переоборудована в камеру с решетками на окнах, запиравшуюся на ночь. Она была, как правило, переполнена и арестанты спали вповалку на полотах и грязном полу, укрывшись своей заношенной, ветхой одежкой.

Все пятнадцати-суточники уже знали, что в Багдарин прибыл политический, отнеслись ко мне весьма доброжелательно, старались налить побольше баланды, дружно ругали советскую власть, а наиболее озлобленные, кому от милиции досталось больше синяков, грозили сжечь это заведение.

В первый же день, как только меня выпустили, я дал телеграмму Ирине Корсунской и через день получил небольшой перевод. Это позволило мне перебраться в местную убогую деревянную гостиницу.

Слухи по таким маленьким поселкам, как Багдарин, разносятся очень быстро. Обслуживающий персонал гостиницы отнесся ко мне хорошо. Особенно жалела меня администратор гостиницы, молодая женщина Любовь Говенько, которая всячески старалась помочь мне устроиться и просуществовать на первых порах, хотя ее не раз таскали и запугивали в КГБ. Доброе, сочувственное отношение я встречал со стороны многих, несмотря на все рассказы и слухи, которые обо мне распускал КГБ. Но люди боялись проявить свое отношение публично. Стоило стукачу увидеть кого-нибудь, разговаривающего со мной наедине, как этого человека начинали таскать, допытываться, о чем шла речь, заставляли писать объяснения, угрожать и домогаться нужных им показаний об охаивании советской власти, призывах ее подрывать. После этого человек, как правило, начинал избегать и встреч и разговоров со мной.

Районный центр Багдарин представлял собой небольшой поселок с населением около 3-х тысяч человек, застроенный деревянными домишками. Чуть ли единственным двухэтажным домом в нем был райком партии. Поселок имел пару магазинов, небольшую столовую, быткомбинат, детсад, школу, столь необходимое советским людям местное отделение КГБ и никакой промышленности. Рядом с ним был

расположен небольшой поселок Маловский, имевший около сотни дворов. Кругом на сотни километров простиралась тайга.

По закону местные власти обязаны были устроить меня на работу и предоставить жилье. Примерно через две недели сотрудник милиции Ваганов устроил меня в геологоразведочную партию (ГРП) в поселке Маловский и поселил в общежитии ГРП. Меня прикрепили разнорабочим к макшейдеру Винникову Е.К. - секретарю парторганизации ГРП. В мои обязанности входило таскать за ним рейку с делениями и держать ее строго вертикально в указанных местах. Лучшей работы для человека, защитившего докторскую диссертацию, в СССР, разумеется, не нашлось. В обязанности Винникова, как выяснилось позднее, входили слежка, провокационные вопросы и писание доносов. То есть то, что согласно декрета советской власти 1918г, в отличие от рядовых советских граждан, члены партии должны делать бесплатно.

Александр Болонкин в ссылке (Поселок Маловский, Баунтовского района, Бурятской АССР. Сибирь, 1977 г.).

В этом отношении Винников оказался весьма усердным стукачом и не только в отношении меня. Он доносил и на рабочих, выражавших недовольство условиями жизни и труда. Впрочем мало отличались от Винникова и другие члены партии, например, начальник группы Палиенко Г. С. или жена зам. начальника партии Тугарина Л. А. В своих

доносах они писали не то, что было в действительности, а то что подсказывал КГБ для фабрикации нового дела.

Общежитие, в котором меня поселили, представляло деревянное здание со сквозным коридором и рядом комнат по обе стороны. В нем жили строители, золотодобытчики, приезжие и бичи. Пьянки, хулиганство и драки происходили чуть ли не каждый день. По праздникам и каждые полмесяца в аванс и получку следовали запои и дебоши.

Поскольку слух о моем техническом образовании быстро распространился по поселку, ко мне стали обращаться с просьбами о ремонте бытовой техники: радиоаппаратуры, холодильников, стиральных машин. До этого мне не приходилось этим заниматься. Но как авиационный инженер, хорошо помнивший физику, я разбирался в этих устройствах и во многих случаях приводил их в порядок. Жители благодарили меня продуктами, иногда деньгами. Вскоре ко мне стали обращаться и руководители местных контор с ремонтом пишущих машинок и др. канцелярской техники. Особенно помог хозяйственник прииска Глухов Петр Федорович - ссыльный сталинских времен. Со слезами на глазах он рассказал печальную свою историю, как после войны его сослали в Сибирь, разрушили его семью. Он завел в Сибири новую семью, вырастил сыновей от новой жены, но вырваться из Сибири так и не смог.

Я ему привел в порядок все пишущие машинки в прииске и некоторое время пользовался одной из них, печатал на ней письма и жалобы, пока КГБ не дал указание, из прииска прибежали испуганные сотрудники и забрали машинку обратно. Тогда Петр Федорович дал мне сломанную, очень старую списанную пишущую машинку, которую после больших трудов я привел в относительный порядок и пользовался ею до нового ареста.

Вообще на первых порах мне было очень трудно, надо было чем-то питаться до первой получки, покупать одежду. Жена из нескольких тысяч моих сбережений не прислала ни рубля, ни старой рубашки. И я очень благодарен москвичам Лисовской Нине Петровне, Романовой Августе Яковлевне, Саловой Галине Ильишине и другим инакомыслящим, которых я до этого не знал, за ту помощь и моральную поддержку, которую они мне оказывали. Мне многие писали, ежедневно приходило по 2-5 писем и пришлось вести обширную переписку. Вскоре стали пропускать и некоторые письма из-за границы.

Однажды в комнате, где я работал (к счастью, Винников в это время куда-то вышел), появился молодой парень в походной одежде с большим рюкзаком. Оказалось это Саша Подрабинек - посланец московских диссидентов. Он решил в отпуск объехать ряд ссыльных в Сибири. Я до этого не знал его. Опасаясь провокации, я позвонил Гале Саловой, попросил Сашу немного поговорить с ней на отвлеченную тему, не

называя себя. Она опознала его по голосу и сказала, что это очень хороший человек.

Саша привез мне японский транзистор с короткими волнами - подарок московских друзей. Я давно просил у них коротковолновый приемник, чтобы знать правду о событиях в мире. К сожалению, Сибирь так далека от Европы, что в ней из зарубежных западных передач можно слушать только специальные дальневосточные трехчасовые передачи "Голоса Америки", видимо, из Японии,- И то сквозь вой глушилок, расположенных в Улан-Удэ.

Саша пробыл около двух суток. Он спешил, ему надо было объехать еще многих, а отпуск кончался. Он ввел меня в курс последних событий, просветил в некоторых медицинских вопросах, знание которых мне очень пригодилось впоследствии. Мы взаимно сфотографировались на память. Визит его удалось сохранить в тайне. Когда я его провожал, на маленьком местном аэродроме не было ни одного сотрудника КГБ и улетел он благополучно, без "хвоста".

По работе приходилось выезжать в тайгу за десятки километров, проводить замеры в районах золотодобычи, ночевать в избушках. Особенно трудно мне приходилось зимой. Пребывание целый день на морозе, холодном ветру, лазание по сугробам в плохой одежке с рейкой и снаряжением, которое к концу дня начинает казаться особенно тяжелым, да еще в моем возрасте - сорок с лишним лет, привели к тому, что я стал простужаться и часто болеть. Тем более что в холодных карцерах еще ранее я получил хронический бронхит. Тут и выявились прелести советского законодательства. Оказалось, что освобожденным советским заключенным, в течение 6-и месяцев после освобождения, т.е. когда они часто болеют и особенно нуждаются в помощи, больничный лист вообще не оплачивается.

Начальник ГРП Паршин А.П., а возможно и КГБ, которому стукачи даже мои замечания насчет сибирских морозов подносили как охаивание советской страны, недовольный моими болезнями, не нашел ничего лучшего как перевести меня в грузчики. Я должен был вдвоем с напарником на складе вручную зимой разгружать и грузить 5-7 метровые бревна на автомашины. Я обратился к врачам, которые вынуждены были дать мне справку о противопоказаниях к тяжелому физическому труду и стал просить другую работу. Примерно в марте 1977г меня пристроили, как оказалось впоследствии с умыслом, мастером по ремонту электроприборов (плиток, утюгов) в быткомбинат в поселке Багдарин.

Поселили меня в старой заброшенной полусгнившей избушке около быткомбината. Она была разделена на три секции. Две секции принадлежали быткомбинату и в средней из них примерно 2,5 на 2,5 метра поселили меня. В другой несколько большей секции жила уборщица

быткомбината Туркова с мужем и ребенком, в третьей секции такой же как у меня жили старик со старухой и злой собакой.

Избушка эта не ремонтировалась с дореволюционных времен, крыша походила на тюремную решетку и во время дождя и таяния снега в комнате потоки воды лились по всему потолку.

Первым делом мне пришлось доставать, покупать рубероид и крыть как крышу так и небольшие сенцы, выгребать завалы грязи и винно-водочные бутылки, которые оставил предыдущий мастер Эрдынеев А.Б., делать ремонт квартиры.

Хижина, в которой жил А.Болонкин в Багдарино и еще две местных семьи.

Рядом с моей избушкой в Багдарино находились две избушки армян, организовавших самодеятельную строительную бригаду по ремонту и постройке домов. Зарабатывали они неплохо, до 500 рублей в месяц, и в свободное от работы время занимались девицами и вином, перепортив немалое число местных школьниц. Участие в их попойках принимал и один из местных кагебистов. Как потом признался один из армян, он наказал им следить за мной, за моими посетителями и периодически приходил за "информацией". Подобным же образом обязали следить за мной и других моих соседей, в частности, Туркову, которых потом заставили подписывать на меня "нужные" КГБ показания.

Армяне висели у КГБ на "крючке", попавшись на какой-то махинации с золотом. Двое из них Акопян Г.Б. и Оганесян Г.А. впоследствии подписали нужные КГБ показания. Особенно старался Оганесян, с которым я перемолвился несколькими словами пару раз, но, разумеется, вообще как и с кем бы то ни было в Багдарино никогда не говорил о политике.

Впоследствии руководство их бригады обвинили в каких-то приписках и пересажали. И надо отдать должное, что один, из них Роберт, находившийся на "химии", так и не подписал клевету, несмотря на свое трудное положение и давление КГБ.

Впрочем слежка осуществлялась не только соседями. Приходя на работу, я находил у себя корявые записки рабочих быткомбината, в которых они сообщали, что от них требуют слежки за мной, доносов. Начальник КБО Голованов Н.В., построивший себе из ворованных материалов за счет КБО огромный дом, когда я заходил к нему, поспешно закрывал лежащий перед ним лист бумаги. И я знал, что строчится очередной донос.

Казалось, что можно написать о человеке, который вообще не говорит на тему существующей власти. И потом, читая предъявленные мне, как обвинительные документы, показания "свидетелей", я понял, что у КГБ существуют просто образцы, наборы штампованных общих фраз типа "возводил грубую клевету на внутреннюю и внешнюю политику СССР", "распространял клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй", "допускал враждебно-провокационные измышления", "искажал правду", "восхвалял образ жизни за границей", "возводил клевету на жизнь в СССР" и т.п., за которыми конкретно ничего не скрывалось, да и копаться, что же конкретно, не допускалось.

Еще в концлагере в Барашево Мордовской АССР, когда я отказался грузить трупы, я удивился, как полуграмотные надзиратели, ничего не знавшие кроме мата, могли написать столь обширный рапорт, где общими словами долго описывалось как якобы они меня долго воспитывали в истинно советском духе, проводили со мной разъяснительную работу, испробовали все гуманные методы, но я, закоренелый преступник и негодяй, не внимал их добрым увещаниям и, наконец, докатился до того, что отказался трудиться. И вот они бедные вынуждены требовать для меня наказания. Я понял, что у них просто есть образцы рапортов, в которых следует только проставить фамилию и иногда в конце в туманной форме проступок.

Впрочем доносы писали и подписывали не только бывшие уголовники как Эрдынеев А., полуграмотные соседи, армяне, члены КПСС и начальство. Но и местные: "журналист", некто Гильбух, промышлявший в Баунтовском районе левой фотографией. Меня всегда удивляло, что движет этими людьми: наивность, вера в то, что они служат самому передовому в мире строю, или желание иметь какие-то выгоды по службе, льготы и защиту в лице КГБ. Как они вообще после этого могут смотреть в глаза своим жертвам? И почему они главная опора и надежда "самой передовой" в мире власти? И как их много вынырнуло, поднялось и затопило всю страну. И с каждым годом, с каждым поколением становится все больше!

Еще где-то в 1969-1970 годах в издательстве МВТУ им.Баумана у меня была принята к публикации книга **"Новые методы оптимизации и их применение"**, посвященная разработанному мною математическому методу оптимального управления. В 1972г она была уже отредактирована и отпечатана. А тут мой арест и обвинение по самой крамольной советской статье "антисоветская агитация и пропаганда", отнесенной к особо опасным государственным преступлениям. Казалось при чем тут книга по математике. Но власти хотели стереть из памяти людей даже имена неугодных им лиц. Почти весь тираж книги был уничтожен. На мои научные работы запрещено было ссылаться. Уйдя на ссылку я попросил издательство вернуть мне мою рукопись. Мне выслали только остатки черновиков. Тогда я подал на них в суд, требуя возврата рукописи, выплаты гонорара, либо возмещения убытков от нарушения договора. После долгих препирательств и жалоб, мне, наконец, прислали повестку о явке на судебное разбирательство. Я помчался с повесткой в милицию за разрешением на выезд в соответствии с законом. Но закон в этой стране, что «дышло». Они обещали выяснить и через день мне показали телеграмму от судьи Бауманского района Москвы Сориной, где черным по белому было написано, что вызов на суд прислан для проформы. В соответствии с гражданским процессуальным кодексом я стал требовать разбора дела в моем присутствии. Но суд наплевал и на закон и на кодекс. Судебное заседание, несмотря на телеграмму протеста, провели в мое отсутствие. Мне было отказано по всем пунктам иска на основании того, что моя рукопись якобы не издавалась. Своей книги я не мог найти ни в одной советской библиотеке, ни в книжной палате.

Двенадцать лет позднее где-то в 1983г мне все же удалось из архивов КГБ вытребовать экземпляр. В библиотеке им.Ленина в Москве сохранился только микрофильм книги, который числится под шифром Ф-801-83/809-6.

В ссылку мне писали многие инакомыслящие, родственники осужденных и просто незнакомые люди. Выражали сочувствие, предлагали помощь. Не было дня, чтобы я не получал по 2-5 писем. Приходили письма и из-за границы. Я отвечал на них. По содержанию писем было видно, что доходит только незначительная часть. Из моих писем особенно за границу доходило еще меньше. Еще в лагере после проверки заявлений о розыске утраченных писем почта постоянно выплачивала мне по 50 копеек за письмо. Здесь я взял основополагающие почтовые документы: "Устав связи СССР", "Почтовые правила", "Правила выплаты компенсации за утраченные международные почтовые отправления" и сделал для себя интересное открытие, что за каждое утраченное заказное международное письмо почта должна выплачивать по 11 руб. 76коп. Это при стоимости его отправки в то время 16 коп. Из моих заграничных писем, как я быстро установил, доходило до адресатов не более 30%. Причем не доходили

самые невинные письма - письма, в которых не было ничего кроме советской открытки.

В "Уставе связи СССР" я вычитал, что если на заявление о розыске не дан ответ для заграничных писем в течении полугода, то клиент вправе подать иск к почте в суд, приложив к исковому заявлению квитанцию и копию заявления о розыске (либо квитанцию о посылке такого заявления).

Поскольку на мои заявления о розыске почта вообще ничего не отвечала, то, выждав положенные сроки, я в соответствии о п.п.99,103-105 "Устава связи СССР" обратился с иском в районный суд п. Багдарин.

Судья Виноградов затребовал все почтовые правила и документы и убедился, что я полностью прав. Начальник Багдаринской почты Тудыпов также ничего вразумительного сказать не мог, кроме того, что на их запросы Центральный почтамт не отвечает. Советский международный почтамт в Москве, находившийся тогда на Комсомольской площади, а точнее Центральное бюро рекламаций этого почтамта считало просто ниже своего достоинства отвечать на запросы подчиненного подразделения. Да и, по-видимому, впервые в этом государстве рабской психологии нашелся человек, который вздумал предъявить иск к почте за отправленные за границу письма. Ибо и дураку было ясно, кем эти письма "терялись" и одно название этой организации наводило страх и ужас на всех советских людей.

Ни одной расписки о передаче иностранному почтовому ведомству моих писем почта представить не могла. Виноградов потянул, потянул время и вынужден был назначить судебное разбирательство. На суде Тудыпов признал, что почта потеряла мои письма. И Виноградову ничего не оставалось как присудить в мою пользу около 50 рублей за утрату 5-и писем.

Второй иск я уже подал на 150 рублей и, как суд не крутился, он признал его правильность. По третьему иску я уже получил 300 рублей. После чего я решил, что будет справедливо, если я ежемесячно буду получать с государства свою докторскую зарплату 500 рублей. И стал каждый месяц писать под копирку и посылать за границу по 48 заказных писем. Многие письма не содержали ничего, кроме советской открытки, в других, например, в Академию Наук, так называемых социалистических стран, была только фраза *"В соответствии с Хельсинскими Соглашениями прошу оказать содействие в выезде из СССР"*, в третьих, в частности в посольства западных стран, были поздравительные открытки, например, с таким текстом *"Поздравляю женщин Посольства с Днем 8 Марта"*. Эти письма я посылал обычно как ценные и оценивал в 30-50 рублей. Но скажите, какой нормальный советский человек будет поздравлять женщин американского посольства с днем 8 марта?! Этих хищных злых империалистов (как утверждала советская пропаганда),

поджигателей войны! Естественно, КГБ просто выбрасывал их в корзину. Чем я и решил воспользоваться.

Но когда речь зашла о суммах намного превышающих бюджет местного скромного отделения связи, почта закричала караул, КГБ закрутился, выход из сложившегося положения. С моими последующими исками с общей суммой около 2 тыс. рублей суд тянул почти год. К тому времени меня вновь арестовали и, когда после многочисленных жалоб, их присудили в мою пользу, меня об этом даже не известили. Решение суда вступило в законную силу и месяца через два было отменено. К этому времени, по-видимому, разослали указание судам - в подобных исках отказывать. Повторный суд Октябрьского р-на г.Улан-Удэ (судья Беляк) отказал во всех исках под нелепым предлогом: *"Болонкин не доказал, что его письма утеряны!?"*. Напрасно я взывал к логике, к здравому смыслу, говорил, что не клиент должен доказывать, что его письма утеряны, а почта должна доказать, что она указанные почтовые отправления вручила, предъявить расписки получателей или на худой конец иностранных почтовых ведомств. Даже показывал письма своих адресатов, в которых было написано, что указанные почтовые отправления они не получали! Все было как в обществе глухонемых, если нужно, коммунистический суд попирает любую логику.

Все последующие иски отклонялись под этим предлогом. А апелляционные инстанции просто не отвечали.

Во время ссылки в п.Багдарин я начал писать воспоминания о следствии и суде по моему делу, о пребывании в брежневских концлагерях, о том, что мне пришлось пережить и повидать с момента ареста, о тех деяниях и литературе, за которые меня арестовали. За полгода я исписал мелким почерком около 10 ученических тетрадей. Рукопись озаглавил **"Обыкновенный коммунизм"**. Ее я никому не показывал и хранил во дворе в куче мусора под тазиком. Конечно, я понимал, что издать ее в СССР при существующем тогда терроре невозможно. И думал сохранить до лучших времен или хотя бы оставить потомству до поры, когда эти времена наступят.

Главная задача любой диктатуры, особенно кровавого режима, состояла в том, чтобы скрыть от общественности свои злодеяния, оболгать свои жертвы. И это особенно удавалось Сталину, отправившему на тот свет десятки миллионов людей. И главным оружием и защитой этих жертв была гласность, извещение общественности о творимых властью имущими злодеяниях. В 60-70 годы кровавые репрессии не достигли сталинских масштабов только по одной причине - находились люди, которые собирали материал о преследованиях и арестах за инакомыслие и предавали этот материал огласке. Их хватали, арестовывали, обвиняли в антисоветчине и клевете, сажали. Но на их место приходили другие.

Достаточно вспомнить нелегальный бюллетень "Хроника текущих событий", в котором предавались гласности политические процессы и репрессии. Сотни людей пострадали за издание этого бюллетеня, десятки раз КГБ арестовывал в полном составе его издателей. Но каждый раз находились новые люди, продолжавшие дело своих единомышленников и бюллетень просуществовал около 15 лет, несмотря на неоднократные торжественные обязательства КГБ покончить с ним в течении полугода.

И все усилия правителей представить СССР в глазах мировой общественности в виде некоего социалистического рая, где трудящиеся в перерывах между героическим трудом наслаждаются счастливой жизнью и славят своих коммунистических благодетелей, шли прахом.

За предыдущие годы в торгующих организациях поселка на складах скопилось большое число неработающей техники: холодильники, радиоаппаратура, часы и т.п., которая мертвым грузом висела на балансе.

Часть ее уже с завода приходила не действующая, бракованная, часть как, например, холодильники мяли и растрясали в дороге. Многие детали из них просто воровали. Так мне пришлось видеть радиолу, у которой была пробита задняя картонная стенка и вынуты ценные радиодетали. Везти все это для ремонта обратно было очень накладно. Да и не было никакой уверенности, что при обратной доставке по длинным ужасным сибирским грунтовыми дорогам все это не придет снова в прежний негодный вид. Для этих организаций я был просто клад. Ко мне стали приставать с просьбами о ремонте. В целях предосторожности я пошел проконсультироваться к местным юристам, в частности, к районному судье Виноградову А.Н. Меня заверили, что все законно, но я должен оформить отношения договором. Были оформлены договоры между мной лично и организациями, в которых было четко указано, что организации отвечают за правильность оплаты и *"обязуются оплатить работу в соответствии с существующими расценками"*.

Трудность ремонтов состояла в том, что не было запчастей. Мне приходилось писать на заводы, в "Посылторг", скупать вышедшую из строя бытовую технику у местного населения с тем, чтобы добыть искомую деталь. У холодильников обычно при перевозке мяли и деформировали двери и, естественно, никто не хотел брать такой агрегат. Часть дверей я снимал с купленных старых холодильников, часть привозил мне из Улан-Удэ знакомый шофер, который доставал их у мастеров по ремонту. В ноябре 1977г я вообще уволился из быткомбината, проработав там всего полгода, и перешел целиком на работу по договорам. Худо бедно, но производя ремонт разной техники я сэкономил государству немалые тысячи, хотя мой доход был мизерный. В общей сложности почти за два года пребывания в ссылке я получил около 1000 рублей, из них 600-700 рублей ушли на покупку запчастей. Таким образом за работу мне было выплачено около 300 рублей или около 15 рублей в месяц.

13. ВТОРОЙ АРЕСТ

В начале июня 1978г кончался срок моего пребывания в Сибири. Это было связано с тем, что везли меня в ссылку более месяца по этапу и вместо 21 сентября 1976г выпустили только в конце октября 1976, а каждый день пребывания в заключении считался за 3 дня ссылки.

По опыту других ссыльных политзаключенных я знал, что в конце срока КГБ, как правило, устраивает какую-нибудь провокацию и фабрикует новое дело. Я вел себя максимально осторожно, не ввязывался ни в какие конфликты и в основном сидел дома. Более того, я планировал примерно за месяц до конца ссылки исчезнуть, поселиться тайно у кого-нибудь из моих знакомых и после окончания срока скрытно выехать из ссылки, чтобы не могли приписать побег. В этом случае, самое большее, в чем меня могли обвинить, это в том, что в течении месяца я не отмечался в милиции. А это только административное нарушение,.

Но, видимо, кто-то и когда-то уже додумался до этого. Во всяком случае власти меня опередили. 15 апреля 1978 года ко мне пришла женщина из бухгалтерии КБО и попросила меня немедленно пойти с ней в КБО для выяснения неясностей в каком-то бухгалтерском документе. Ничего не подозревая, я пошел. Там оказался сотрудник милиции следователь Корнев Анатолий, который предъявил мне акт ревизии. В нем говорилось, что ремонт, который я делал для организации, незаконен, ибо договоров о ремонте в бухгалтериях не обнаружено. И я понял замысел КГБ. В бухгалтериях организаций договора изъяли и уничтожили. Теперь меня можно обвинять в чем угодно. Я сказал Корневу, что вторые экземпляры этих договоров есть у меня дома. Это, видимо, было для него полной неожиданностью. Он ругнулся по поводу того, что на него взвалили это дело и потребовал, чтобы я пошел с ним в милицию для выяснения. В милиции меня без лишних слов обыскали, отобрали все документы и посадили в одиночную камеру предварительного заключения (КПЗ).

На следующий день после ночи на голых деревянных нарах, меня отвели к прокурору Баргееву А.А., который тут же подписал ордер на арест, и меня повели в мою избушку на обыск. Замок на дверях избушки оказался весь искореженный, кто-то уже пытался проникнуть в дом.

Я достал вторые экземпляры договоров и стал требовать, чтобы Корнев внес их в протокол обыска. Препирались мы с ним примерно полчаса. Но все было бесполезно. Наличие договоров портило им всю фабрикацию и он так и не согласился их внести. Не вносились в протокол и многие другие документы. Единственное, что мне удалось добиться, - это внести в протокол номера моих экземпляров (копии) квитанций на выполненные работы в КБО, которые я ему сдал. Но это не помешало негодным квитанциям в дальнейшем исчезнуть и суд оказался глух к моим просьбам

выяснить, куда они делись, даже просто сопоставить протокол обыска с наличием квитанций в деле. Аналогично исчезли или остались без внимания и многие магазинные и посылочные квитанции (чеки) на запчасти, ибо при их учете сумма заработка (по их терминологии "хищения" социалистической собственности) получалась слишком мизерной.

Единственное, что мне удалось отстоять, это то, что вторые экземпляры договоров не были уничтожены и были все же включены в дело. Но для этого мне пришлось послать десятки жалоб и заявлений во все инстанции, грозить тотальной голодовкой. И КГБ, видимо, не решился на их уничтожение, сфабриковав новое обвинение в том, что ремонта якобы было сделано на меньшую сумму, чем выплачено зарплаты. Забавно, что срочно присланный в подмогу Корневу следователь из Улан-Удэ Александров на мое замечание: *"Если мне заплатили больше, чем положено, то посадите тех кто "переплатил", а с меня вычтете лишнее"*, в наглую ответил: *"Нам надо посадить не их, а тебя!"*

14. УЛАН-УДЭНСКАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ ТЮРЬМА

Примерно 20 апреля 1978г меня повезли из п.Багдарин в Улан-удинскую следственную тюрьму. В тюрьме сдали охране и заперли в предварительном боксе охранного отделения. Вскоре из КПЗ какого-то отделения милиции привезли двух в доску пьяных арестантов Гаврилова и Олейчика, которые орали и буйствовали, особенно Олейчик. Но тюремщики обходились с ними весьма деликатно. Если простой заключенный мог быть избит за малейшее возражение, косой взгляд и просто ради развлечения, то обхождение с Гавриловым и Олейчиком было на редкость удивительным. Как я потом выяснил, это были стукачи, которых оперчасть использовала в тюрьме, а также возила по КПЗ для подсадки и террора над арестованными, а при нужде и лжесвидетельства. Расплачивались с ними за это чаем, водкой и наркотиками и, судя по степени опьянения, водки для них не жалели. Привезли их в связи с моим прибытием и поместили в одну со мной камеру.

Меня интересовал вопрос, откуда оперы берут наркотики и деньги, чтобы "благодарить" стукачей за их деятельность. Александр Гаврилов, который просидел со мной несколько месяцев, дольше, чем кто-нибудь другой, и который в конце концов перестал скрывать, что он стукач и посажен со мной специально, объяснил мне, что оперы отбирают это зелье у наркоманов, находят при обысках в передачах, а то и просто получают для передачи от друзей арестованных.

Что касается водки и чая, то их они покупали и приносили на те 15 рублей зарплаты в месяц, которая полагается заключенным - стукачам за

их "труд". Официально этот фонд именуется "Фонд поощрения лучших" или "вставших на путь исправления". Причем, если в КГБ зарплата стукачам, переводилась на их лицевой счет и они могли на нее на общих основаниях отовариться в ларьке, то в МВД оперы могли брать эти деньги из кассы якобы для отоварки "лучших". Александр Гаврилов, а потом и многие другие стукачи с негодованием рассказывали мне, как их надувают оперы, давая иногда 1,5 рублевую плитку чая, заставляя расписываться, что "лучший" получил продукты сполна на 15 рублей. Разницу, разумеется, оперы клали себе в карман. А если "исправившийся" начинал возмущаться, то вообще не получал ничего, ибо на его место всегда была тьма желающих.

Иногда оперы поступали еще хитрее. Стукач получал свою плитку чая, расписывался, его уводил надзиратель, устраивал ему обыск, забирал эту плитку и отдавал оперу. Тот "награждал" этой плиткой следующего стукача, у которого вновь отбирали и т.д. Так же иногда делали и с "дрянью", с той разницей, что неугодному или проштрафившемуся стукачу при нахождении ее могли еще пришить дело по употреблению или распространению наркотиков.

Впрочем снабжение опером стукачей чаем, водкой, наркотиками было далеко не единственным и, может, даже не главным способом благодарности. Значительный доход надзиратели и оперы получали от грабежа подследственных руками стукачей, либо блатных, возможностей грабежа, которые они предоставляли стукачам, и попустительства такому грабежу.

Дело в том, что при аресте человека забирали в вольной одежде, которая стоила недешево. Это могла быть норковая шапка, дубленка, дорогое пальто или куртка, импортный костюм, полувер, кофта, красовки или заграничная обувь. Когда арестованного привозили в тюрьму, то у него отбирали деньги, ценности, заставляли сдавать в камеру хранения часы. Полагалось сдавать в камеру хранения и ценную гражданскую одежду и получать взамен арестантскую, но обычно это не делали. Да и кладовщик - такой же зэк, работающий в хозобслуге, мог своровать и продать надзирателям за бесценок хорошие вещи. А поскольку кладовщики постоянно менялись, то потом что-либо доказать и найти концы было просто невозможно.

Таким образом, большинство подследственных приходило в камеры в своей гражданской одежде. А если на нем было что-нибудь ценное, то надзиратели его временно "по ошибке" сажали к стукачам или блатным и те буквально раздевали его до нитки. Подобное мне часто приходилось наблюдать и испытывать самому, когда мне присылали теплые носки или варежки.

Все это за бесценок за бутылку водки или плитку чая передавали надзирателям. Часто и оперы были не прочь поживиться из такой

кормушки. После грабежа подследственного, если нет нужды в выживании у него каких-то сведений, его перебрасывали в общую камеру.

Другой способ подкормки стукачей состоял в грабеже передач. Кому доводилось носить передачи подследственным, тот знает с какими муками, унижениями и оскорблениями это связано.

Порой мать или близкие, потрясенные арестом родственника, сами из-за этого попавшие в трудное материальное положение, с трудом наскребают на разрешенную раз в месяц (если следователь сообразовит не возражать) передачу подследственному. Им ни только порой трудно достать кусок колбасы или полкило масла, но приходится рано вставать, иногда целые дни проводить в тюремных очередях, наслушаться оскорблений от приемщицы, умолять ее не выбрасывать те или иные продукты, которые в большинстве вдруг оказываются "неположенными". Искромсанные продукты, вскрытые фабричные банки, в которых вечно ищут что-то запрещенное, наконец, отправляются к подследственным. По пути тюремщица может присвоить или подменить какие-то продукты. Не прочь ими полакомиться и надзиратели - все равно подследственный не в состоянии проверить что и сколько было.

При этом оперы подкармливали стукачей так. Перед тем как вручить передачу подследственного срочно переводили в камеру к стукачам, вслед за этим приносили передачу или посылку. Стукачи, конечно, набрасывались на нее, устраивали коллективное пиршество вместе с владельцем (мол в камере все общее), после чего владельца перебрасывали в прежнюю камеру. При этом хорошо, если стукачи хоть что-то разрешали ему взять из его же передачи (мол забирать с собой передачу не принято).

Но особо страшные слухи ползли по тюрьме о так называемых пресс-хатах, специальных камерах со стукачами, в которые бросали, как к волкам в яму, подследственных, не желавших признавать предъявленные им обвинения. Их подвергали там издевательствам, избиению и террору, а иногда и убийству, оформляя это как "самооборону". Впоследствии мне пришлось непосредственно столкнуться с одним из таких случаев, когда в больнице скончался человек, забитый в "пресс-хате" до полусмерти.

В отдельных случаях оперы шли на прямое нарушение закона, подбрасывая стукачам неугодных малолеток, т.е. арестованных детей. Оказывается, у нас в Союзе могут арестовывать детей с 14-летнего возраста. По закону до 18 лет их должны содержать отдельно. Нарушая этот закон, детей бросали в камеры к стукачам, у которых было только одно желание - изнасиловать, удовлетворить свою похоть, научить

курить "дрянь", превратить детей в стукачей, блатных, предстать перед ними некими "героями", образцами для подражания.

Многие стукачи пытались скрывать свои фамилии и выступали под кличками, которые сами себе присвоили. В частности, Олейчик выступал под кличкой "Синий". Под этой кличкой он вступал в общение с другими арестованными и в переключку через разбитые окна с другими камерами. Свою фамилию он никогда не называл и был страшно недоволен, когда один из надзирателей рассекретил его, назвав по фамилии в моем присутствии.

Вообще мания к кличкам у уголовников буквально у всех. Мне приходилось слышать как молодой парень, впервые попавший в тюрьму, не мог придумать себе кличку и кричал в окно: "Тюрьма, тюрьма - дай кличку?" Какая только похабщина не неслась ему в ответ развеселившихся уголовников. Причем часто кличками они снабжали и других, даже политических, помещенных в их среду. Они знали, что я доктор технических наук, но путали это понятие с врачом и часто обращались за медицинскими советами. Когда же я им пытался объяснить, что я специалист по кибернетике, то понимали это с трудом, а слово доцент для них было вообще за семью печатями. Впрочем, впоследствии в концлагере (по официальной терминологии в ИТК) ко мне обращались "Сан Саныч", хотя за глаза окрестили "профессор".

В Улан-Удэнской тюрьме я столкнулся с прямым лжесвидетельством. Однажды в камеру, где находился я и трое стукачей: Александр Гаврилов, Илья Исанюрин и Олейчик бросили, на короткое время некоего Супонкина. Он рассказал, что его обвиняют в убийстве, но он не имеет никакого отношения к этому преступлению. Весь разговор был в моем присутствии. Спустя несколько месяцев я узнал, что Супонкина осудили на основании показаний Олейчика, Исанюрина и Гаврилова. Якобы Супонкин им сказал, что убийство совершил он. Это был обычный прием, когда человека арестовывали, ничего доказать не могли. Но не признаваться же следствию в своей ошибке, не выпускать же его на свободу и не портить отчетность по раскрытию преступлений! Тем более, когда такое серьезное преступление как убийство, где "виновный" должен быть обязательно наказан. Я знаю, что иногда таким образом страдали десятки людей, не имевшие никакого отношения к данному преступлению и арестованных просто по подозрению. Всем им в конечном счете пришивалось какое-нибудь "дело", часто не имевшее никакого отношения к причине ареста, как это было в знаменитом деле Пешехоновой, в котором пострадали около 30 ее случайных знакомых. Начальник оперчасти Улан-Удэнской тюрьмы Иванов был особенно наглым и пустил кровь тысячам людей.

15. ВТОРОЙ СУД. КОНЦЛАГЕРЬ ОВ-94/2

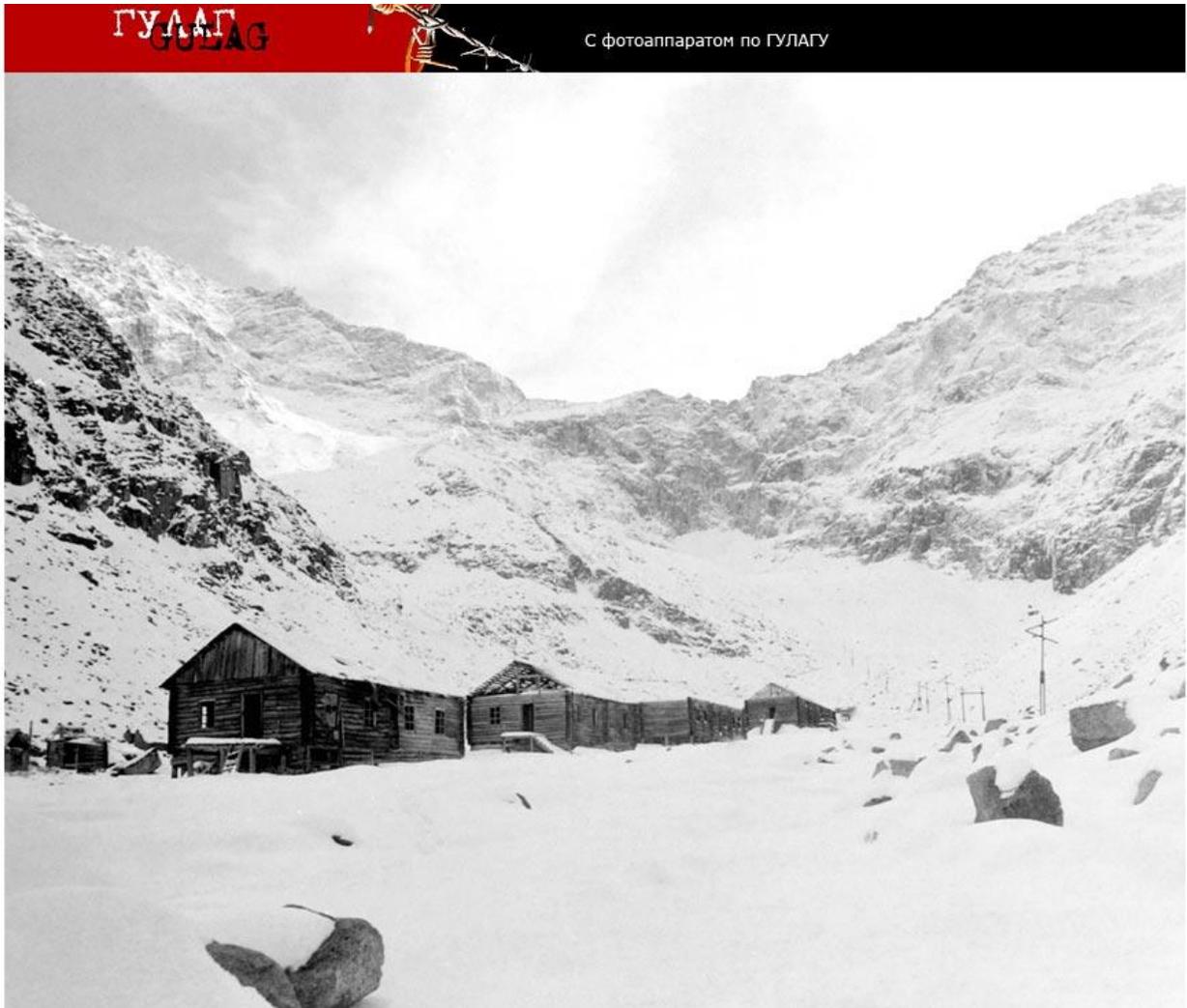
Суд под председательством судьи Жанчипова Э.Б. состоялся в начале августа 1978г. Когда я выступил с заявлением о том, что смешно судить человека за то, что якобы государство платило ему больше, чем положено, стал говорить о преступных методах следствия, уничтожении негодных квитанций, подделке документов, фальшивой экспертизе, политической подоплеке всего этого "дела", меня грубо прервали и в тот же день в камере отобрали все мои выписки из дела; заметки к судебному процессу, копии жалоб и вообще всю бумагу и ручки. Мои устные протесты в суде прокурор Байбородин тут же прерывал и начинал кричать о том, что я антисоветчик, клеветник так и не ставший на путь исправления. Короче, мне вlepили 3 года концлагерей строгого режима. Виновным себя я не признал.

Отбывать наказание отправили из Улан-Удэ в концлагерь в Иркутскую область на лесоповал. За Иркутском от станции Решеты Сибирской магистрали по железнодорожной ветке, не обозначенной ни на одной карте, нас везли на Север около 2-х часов и все это время вдоль полотна тянулись концлагеря. Официальный адрес лагеря: 665061, Иркутская обл., Тайшетский район, поселок Новобирюсинск, Учреждение Н-235/12.

В этом концлагере я пробыл около месяца и благодаря сочувствию заведующего лагерным медпунктом, почти все это время пролежал в больнице. Затем лагерное начальство, а возможно и Управление ИТК Иркутской области решило, что им ни к чему лишний политический и отправило меня обратно в Бурятию в концлагерь почтовый ящик ОВ-94/2 в п.Южный недалеко от Улан-Удэ. Начальник этого "образцового" концлагеря Леонид Друй отличался особой жестокостью. Как-то я подсчитал, что за несколько лет своего пребывания в этой должности он выписал заключенным около 150 тысяч человеко-дней пребывания в холодном карцере, не считая сотен тысяч человеко-дней во внутрилагерной тюрьме особого режима (ПКТ).

На любой нелепый рапорт надзирателей или просто холуев - заключенных ("повязочников", "красных") у него было одно наказание - 15 суток карцера. На любую попытку что-то объяснить, сказать в ответ, слышалось рычание: "А, ты ... недоволен! Добавить еще 15 суток!!!"

В итоге в концлагере 90% заключенных страдали желудочными заболеваниями, 20% - туберкулезом, около 10% венерическими болезнями. Часто были случаи самоубийства, особенно в ШИЗО и ПКТ. Например, з/к Богданов, не выдержав пыток, повесился в камере карцера.

Типовые бараки для заключенных.

Работа в коммунистических концлагерях и ее финал.

В концлагере царил произвол "красных", избивавших "мужиков" и тех, кто не хотел вступать в СВП (секция внутреннего порядка), т.е. стать "красным".

Не брезговал Друй и всевозможными махинациями. В частности, используя труд заключенных, изготавливал по заказам номенклатуры за символическую плату великолепные мебельные гарнитуры, ремонтировал автомашины, отпускал "списанные" материалы и таким образом держал в зависимости собственное руководство МВД, прокуратуру и высшее руководство БурАССР, включая обком. Да и по сути дела все руководство Бурятской республики было связано круговой порукой и представляло собой единую мафию.

В конечном счете (уже после моего освобождения) Друй попался на взятках, но отделался легким испугом и был с почетом отправлен на пенсию. Ныне он проживает в 3-х комнатной квартире в Улан-Удэ, 670000, по ул. Борсоева 29, кв.37 (Тел: 2-93-12).

Но и на пенсии он сохранил свои привычки относиться к людям как к скотине. Мне пришлось видеть, как игнорируя огромную очередь в магазине, он подал чек продавцу. На мой вопрос: "Почему без очереди?" - с детской наивностью ответил: "А я ее не заметил!"

Зэки рассказывали, что Друй велел собрать всех кошек в ИТК в мешок, бросил мешок в топку в котельной и наблюдал как они орут и мечутся в огне. Другой случай был при мне. В яме туалета ШИЗо нашли арестантские миски. Он приказал подавать пищу в них.

Впрочем мало отличался от него и его заместитель по режиму Круглов Н.Я., проживающий в Улан-Удэ по (бывшему) проспекту 50 лет Октября 22 кв.19, тел: 9-46-07, а также начальник оперчасти Быков Б.А. (Улан-Удэ, 670033, ул. Краснофлотская 26 кв.15). Большой жестокостью отличался и ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) Поляков (п.Южный, ул. Багдата 15, 30083, 248), учившийся после моего освобождения в Улан-Удэнском технологическом институте, где я работал в период второй ссылки. Он хотел посадить меня в карцер только за то, что я подобрал в мусоре обрывки "Правил поведения заключенных".

Удивительно, что все эти люди, случайно встречаясь со мной после освобождения в ссылке даже в период перестройки, не чувствовали никакого смущения. У них даже мысли не возникало о преступности своих действий хотя бы по отношению к политзаключенным.

Из всего обслуживающего персонала концлагеря относился ко мне сочувственно только врач Бакланов Николай Артемьевич. Но возможности его были весьма ограничены.

Друй, будучи евреем, особенно старался выслужиться перед КГБ. Был взят курс не прямое уничтожение меня. Около 9 месяцев (285 суток) он продержал меня легко одетого в холодном карцере на фунте черного

хлеба и воде, а остальное время почти 2-а года во внутрिलाгерной тюрьме.

Невозможно описать те пытки и издевательства, которые мне пришлось перенести. Меня легко одетого держали в камерах с обледенелыми стенами, помещали в неотопливаемый бокс около покрытой льдом наружной двери и зимой в 40-градусный мороз по несколько раз в день открывали эту дверь на два часа для "проветривания" помещения. Помещали в темную сырую камеру с мокрицами, тараканами, вонючей парашей и на 6 кв. метров набивали по 6-8 человек, так что люди должны были сидеть и спать на грязном полу. Уголовников, особенно "красных", поощряли избивать и терроризировать меня. На мои требования одиночного содержания отвечали: "Не положено". А мои жалобы просто выбрасывали.

Все мое пребывание в концлагере Друя вспоминается как сплошной кошмар. Дело не только в постоянном голоде, доводившем до голодных обмороков. Главная пытка была холодом, в ознобе и судорогах истощенного организма. Разрешали одевать только трусы, майку и тонкие арестантские хлопчатобумажные штаны и куртку. И это при обледенелых стенах или выходной распахнутой для "проветривания" коридорной двери и всегда холодных батареях. Температура в камерах могла держаться только за счет тел самих заключенных. А какое тепло мог выделить голодный человек и его испорченный желудок?

Особенно мучительно было ночью. Спать приходилось калачиком, натянув куртку на голову и стараясь дышать под нее, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Просыпаться каждые полтора-два часа от дикого озноба, вскакивать, прыгать и махать руками, чтобы хоть немного согреться и унять трясучку.

Всеми этими пытками КГБ и Друй добивались только одного: раскайся, выступи по телевидению.

Все мои жалобы в прокуратуру и др. органы и лично прокурору по надзору за ИТК Гришину И.А. (г.Улан-Удэ, 670015, ул.Павлова 65 кв.30, тел. 2-11-32) выбрасывались, оставались без ответа.

16. ТРЕТИЙ АРЕСТ И ФАБРИКАЦИЯ НОВОГО ДЕЛА

За десять дней до конца 2-го срока меня, еле державшегося на ногах, больного вызвали из камеры ШИЗО и предъявили новые обвинения. Якобы в концлагере я агитировал уголовников против советской власти. Вопрос, как находясь постоянно в одиночной камере карцера или тюрьмы я мог агитировать, зачем агитировать тех, кто приставлен терроризировать меня и как многократно судимые, всю жизнь

находящиеся в концлагерях, уголовники могли подрывать бедную советскую власть, обходился молчанием.

Около 40 "активистов" уголовников подписали нужные КГБ показания, тут же получая за это передачи, посылки, свидания с родственниками. Среди них такие, особо доверенные, назначенные на теплые места как грабитель Смирнов С. В., бандит Нижмаков Ю.Л., убийца Рабжуев В.Д., взяточник Миронов В.Е., гомосексуалист ("петух") Толстоногов С.М. и др.

Многие из них, например, Смирнов С. В., Рабжуев В.Д., Назаров В.П., Рыбиков В.Д., строчили свои лживые доносы и ранее. Со многими из подписавших я не перемолвился даже словом. Тем более у меня даже в мыслях не было агитировать их против советской власти (которую большинство из них и так ненавидят), а тем более подрывать ее или убивать коммунистов. Демократическое движение навечно бы опорочило себя, если стало привлекать в свои ряды, подобно большевикам, уголовные элементы.

Но логика и не нужна была следователю КГБ Кожевину В. А. Он не постеснялся вменить мне даже переписку с Гинзбург А.И., Корсунской М.В., Шиханович Ю.А., Любарским К.А., Подрабинек А.П., Романовой А.Я. и др., когда я находился в концлагере и в ссылке, доносы, которые на меня строчили агенты КГБ Ванников Е.К., Полиенко Г.С., Тугарина Л.А., Эрдынеев А.Б., Гильбух и др. во время моего пребывания в п. Багдарин. Причем характерно, что они не вменили эти доносы, когда фабриковали мне второе дело в 1978г., а берегли их для последующего.

Впрочем и мои соседи в п. Багдарин армяне Акопян Г.Б. и Оганесян Г. А., висевшие у КГБ на крючке за махинации с золотом, подписали лживые показания.

Особую ненависть у кагебистов вызвала найденная, поселившейся в моей комнатке после ареста Найдановой Т.Б., рукопись воспоминаний **"Обыкновенный коммунизм"** о пребывании в Мордовских концлагерях, а также моя фотография с плакатом *"Требую выезда из коммунистического рая в капиталистический ад"*.

Справедливости ради следует отметить, что не все уголовники согласились стать лжесвидетелями. Заключенные Авраменко И.В., Куренков В.Р., Власов М.П. отказались подписать "нужные" показания и за это подверглись жестоким преследованиям, пыткам в ШИЗО и ПКТ.

В следственной тюрьме Улан-Удэ меня содержали в камере только со стукачами, которые подвергали меня непрерывному террору и истязаниям. Все пребывание там вспоминается как сплошной кошмар. Я насмотрелся и слышался такого, что даже нацистские тюрьмы и концлагеря многим показались бы игрушкой с теми низкопробными и лицемерными методами, к которым прибегали коммунисты Иванов, Коденев и др.

Типичный бетонный колодец, затянутый сверху колючей проволокой, для 30 минутных прогулок (каждая камера отдельно!) в советских следственных и внутрилагерных тюрьмах (Пермь №36). Сверху ходит надзиратель. Из такого колодца Болонкин через колючую проволоку мог видеть кусочек неба по 20 - 30 минут ежедневно в течении более 5 лет.

Восемь месяцев под следствием я больной и совершенно измученный отрицал все обвинения и домогательства КГБ о раскаянии и выступлении по телевидению. На 9-ый месяц Кожевин притащил толстые тома собранных против меня "показаний" "свидетелей" и заявил: "Вот дело. Либо получишь 15 лет, причем мы создадим условия, что протянешь не более одного года, либо выступишь с раскаянием и будешь на свободе!".

Я шел по делу один, мое "раскаяние" могло повредить только моей репутации, все мыслящие диссиденты знали какими методами оно добывается. После нескольких дней размышлений я решил согласиться. Учитывая, что это был 1982г и до периода "гласности" и освобождения политзаключенных было еще очень далеко, я могу совершенно точно сказать, что если бы я не согласился, то сейчас меня не было бы в живых.

Конечно, я встречал потом людей, которые осуждали меня за это, но обычно это были те, кто сами не сидели, либо "экскурсанты", каявшиеся и закладываявшие других на следствии, но чье раскаяние не было предано публичной огласке, ибо огласке предавалось только раскаяние широко известных за границей и в СССР диссидентов. Я могу принять осуждение только тех, кто сам отсидел столько лет, подвергался таким же пыткам, истязаниям и давлению как я. Но я не знаю таких. Просто раскаяние подавляющего большинства не предавалось огласке, чтобы не создавать впечатление, что у нас много политзаключенных, а для доказательства искренности этих людей заставляли стучать на своих товарищей.

Больше месяца меня лечили и откармливали в тюремной больнице, чтобы я выглядел прилично. Потом привезли в КГБ, заставили одеть чистую рубашку, галстук, пиджак, посадили за стол, чтобы не видны были арестантские штаны и кирзовые сапоги и за 5 минут до записи вручили текст. Бегло пробежав его глазами я стал просить исключить из него упоминания диссидентов, но мне жестко ответили, что текст опущен сверху из Москвы и должен быть зачитан в таком виде. Во время записи я пытался что-то опустить, изменить, но Кожевин следил по копии и меня заставили зачитывать текст снова.

Не знаю, что они там накобинировали из этих двух записей, ибо во время трансляции я сидел в тюрьме. По выходе я убедился, что коммунистические писаки приводили в своих статьях в кавычках якобы мои высказывания, которых я никогда не говорил, и в силу своих убеждений не мог сказать. Об этих статьях меня никто не извещал и о некоторых из них я узнал только по приезду в США.

На авторов известных мне статей я подал в суд, еще находясь в Улан-Удэ, но все мои заявления даже не были приняты к рассмотрению.

Тем не менее, несмотря на раскаяние и обещания КГБ, меня судили в третий раз и дали 1 год ИТК (период следствия и суда) и 5 лет ссылки.

17. ВТОРАЯ ССЫЛКА

Местом второй ссылки определили Улан-Удэ и устроили на работу старшим научным сотрудником в Восточно-Сибирский технологический институт (ВСТИ) на кафедру вычислительной техники, которой заведовал доцент Мухопад Юрий Федорович.

В Бурятии в то время я был единственным доктором технических наук. В основном я сотрудничал с заводом "Теплоприбор", точнее с его конструкторским отделом (нач. Глухоедов Ю.Н.) и отделом новой техники в разработке новых приборов и аппаратов. Были контакты также с огромным Улан-удинским авиационным заводом, судостроительным и локомотиво-вагонным заводами, с Бурятским филиалом Сибирского отделения Академии наук. По научным делам меня вынуждены были посылать в командировки в Академгородок в Новосибирске и даже иногда в Москву.

За период ссылки с момента освобождения (конец апреля 1982г) и до конца 1987 мною было сделано 13 изобретений в области космонавтики, двигателей, теплотехники. Некоторые из них были сразу же засекречены. Конечно, я подвергался непрерывной слежке КГБ. Сотрудникам кафедры было наказано следить за мной. Любое мое высказывание, даже о том, что сегодня плохая погода, истолковывалось как охаивание условий жизни в СССР с целью подрыва советской власти. Особенно старался стукач КГБ доцент Зубрицкий Э.В., о доносах которого на меня и других

сотрудников мне говорили некоторые руководители института и даже кагебистский куратор ВСТИ Лесков А.С. (г.Улан-Удэ, ул. Геологическая 16 кв. 15, тел. 3-68-32).

Как только началась так называемая "перестройка" в 1985г я написал заявление об отказе от телевизионного выступления, рассказал в нем, какими методами оно было получено и заявил, что в сочиненном КГБ тексте вообще нет ни одного моего слова. Это заявление было послано во многие центральные газеты, но ни одна из них его не опубликовала.

В 1986-87гг это заявление было передано Сергею Григорьянцу, редактору газеты "Гласность" и Петру Старчеку, члену редколлегии "Экспресс-Хроники". Краткое сообщение об этом появилось в сборнике "Вести из СССР", 7-19, 1987г.

Как уже говорилось, я пытался подавать в суды на коммунистические газеты и авторов пасквилей, освещавших мое дело и приводивших якобы "мои" высказывания, но мои заявления не принимались.

После всего этого, а также подачи заявления на выезд из СССР отношение ко мне со стороны руководства института, обкома КПСС, резко ухудшилось. В выезде мне было отказано и КГБ начал фабриковать новое дело. Друй организовал от имени уголовников своего концлагеря коллективное письмо с требованием привлечь меня к суду как не вставшего на путь исправления и продолжающего клеветать на советскую власть. Вскоре он попался на взятке, был переведен инструктором в колонию для малолетних, а потом с почетом отправлен на персональную пенсию. Даже милицейские звания ему сохранили. Однако перестройка к этому времени набрала достаточную силу, стали выпускать политзаключенных и председатель Бурятского КГБ Верещагин Г.И. не решился затевать новое политическое дело. Возможно, что ему не разрешили это из Москвы.

Через положенные 6 месяцев после отказа в выезде я подал новое заявление, причем написал его в очень резкой форме. Помню, там были такие фразы как: *"Что вы как собаки вцепились в меня. Все равно я был и буду врагом вашего фашистско-коммунистического режима и всегда буду бороться против него"*.

Через несколько месяцев поступило разрешение на выезд, Я выехал в Москву и в начале июня 1988г покинул СССР.

Уже после моего отъезда в "Огоньке #4, 1989г, стр.6 появилась статья Анатолия Головкова **"Время на размышление"**, где впервые в официальной советской печати ставился вопрос о незаконном осуждении диссидентов брежневского периода и приклеивании им ярлыков "отщепенцев", "клеветников", "агентов мирового империализма" и "врагов народа". В ней, в частности, описывалось мое "дело" и ставился вопрос о реабилитации всех жертв брежневского произвола.

По приезду в США мною было опубликовано ряд статей в советской и зарубежной прессе в защиту политзаключенных. Это статья **"О реабилитации жертв коммунистического произвола"** (Газета "Советская молодежь" от 7 августа 1990г), интервью **"Пока компартия у власти в СССР не может быть подлинной демократии"** ("Советская молодежь" от 19 октября 1990г), статья **"День памяти жертв большевизма"** (газета "Новое русское слово" от 7 сентября 1991г) и др. Были организованы также демонстрации у советского представительства при ООН и письма в защиту лиц, чьи дела сфабрикованы по политическим мотивам. Конечно, трудно что-либо ожидать от бывших коммунистов, которые с целью удержания власти тут же перекрасились в "демократов", стремительно разваливают экономику страны, стремятся ухудшить условия жизни населения, чтобы вызвать бунты и снова придти к тоталитаризму.

Остается только надеяться, что им это не удастся и республики, входившие в бывший Советский Союз, станут демократическими, цивилизованными и процветающими государствами, тесно сотрудничающими между собой и соблюдающими права человека. Хочется надеяться, что жертвы были не напрасны.

Александр Болонкин

Тел/Факс (118-101)718-339-4563 США. E-mail: aBolonkin@juno.com ,
<http://Bolonkin.narod.ru> or <http://geocities.com/Bolonkin1>
Address: A.Bolonkin, 1310 Avenue R, #6-F, Brooklyn, NY 11229 USA.

Некоторые концлагеря в СССР

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/ussri.htm>

Карта некоторых концлагерей в СССР.

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/kazakh.htm>

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ	
	региональные управления (отделы) лагерей и колоний
	Лагерь с численностью заключенных свыше 25000 человек
	от 5000 до 25000 человек
	менее 5000 человек
	Территории, куда массово отправлялись ссыльные
	Автомобильные дороги,
	железные дороги,
	недостроенные железные дороги,
	строившиеся с участием заключенных

<http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/maps/legenda.htm>

Здесь только небольшая часть коммунистических концлагерей. Более детальная карта в http://hro.org/editions/karta/mapgulag_big.jpg.

Около 60 миллионов людей было замучено только в советских концлагерях. И более 100 миллионов в коммунистических странах.

Приложение 1

(По материалам радиостанции "Свобода")

ЗАЯВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ "АМНИСТИ ИНТЕРНЕЙШИНАЛ"

13.3.75 ЛОНДОН. В связи с предстоящим визитом председателя ВЦСПС ШЕЛЕПИНА в Великобританию английское отделение Международной общественной организации "Международная Амнистия" поместило письмо в лондонской газете "Таймс".

В письме, за подписью председателя отделения ПОЛА ЭСТРЕЙХЕРА и директора ДЭВИДА СИМПСОНА говорится, что, когда ШЕЛЕПИН прибудет в Великобританию, ему нужно в вежливой, но твердой форме сказать о том, что думают англичане о заключении в лагеря и тюрьмы инакомыслящих в Советском Союзе.

В 73-ем году доцент Московского авиационного технологического института, доктор технических наук АЛЕКСАНДР БОЛОНКИН был приговорен к четырем годам заключения за то, что он якобы призывал рабочих к забастовке в знак протеста против экономической системы в СССР.

В заключение письма указывается, что когда ШЕЛЕПИН прибудет в Великобританию, члены английского отделения организации "Амнистия" должны предпринять попытку встретиться с ним и выразить свою озабоченность по поводу подобных случаев нарушения прав человека в Советском Союзе.

Радио "Свобода"

2. ЛИСТОВКА ГРАЖДАНСКОГО КОМИТЕТА

Публикуемые далее три листовки Гражданского комитета распространялись в Москве в начале июня 1972 года. 19 июня сообщения об этих листовках передали на Запад аккредитованные в Москве иностранные корреспонденты.

Редакция «Вольного слова»

В ночь на 1 июня 1972г более 3,5 тысяч подобных листовок были разбросаны по почтовым ящикам в 8 районах Москвы

ГРАЖДАНЕ!

Мы едва сводим концы с концами!

1 июня 1972 — 10 лет со дня повышения цен. Они были повышены почти сразу после XXII съезда КПСС, на котором была принята «Программа построения коммунизма». Болтуны обещали: «Уже в течение первых десяти лет все слои советских людей смогут пользоваться достатком, будут материально обеспечены... будет покончено с недостатком в жилищах».

А вдруг в 62-м — повышение цен! Так заскулили:

«Мера временная... нет сомнения, что в самое ближайшее время можно будет снижать розничные цены».

А мы едва сводили концы с концами!

Прошло десять лет. Цены все растут. Нас грабят везде! Огромные средства пожирает советская и партийная верхушка. Закрытые санатории, «Чайки», спец. продуктовые пайки, дачи, спецбольницы — вот их привилегии!

А мы едва сводим концы с концами!

«Друзьям» за границу — зерно, масло, мясо, сахар, ткани, пушки, танки, ракеты.

А мы едва сводим концы с концами!

Граждане! Боритесь! Пусть борьба рабочих кап. стран будет вам примером! Пусть Польша декабря 1970 будет нам примером! Пусть забастовки и выступления рабочих Москвы, Ленинграда, Новочеркаска, Темиртау, Чирчика и Каунаса будут нам примером!

БАСТУЙТЕ! ИДИТЕ НА УЛИЦУ! СВОБОДА! СВОБОДА! СВОБОДА!

3. ОБРАЩЕНИЕ А.БОЛОНКИНА К Н.ПОДГОРНОМУ

Самый кровавый, лживый и лицемерный режим!

Председателю Президиума Верховного Совета СССР Подгорному Н.В.

Копии:

Правительствам стран, подписавшим Хельсинкские соглашения от бывшего политзаключенного, д. т. н. Болонкина А. А.

Адрес: 671510, п. Багдарин Баунтовского района Бурятской АССР, до востребования, Болонкину А. А.

Господин Подгорный!

Как мне стало известно, местной кагебне дано указание любыми путями сфабриковать против меня какое-нибудь, желательное уголовное, «дело».

Не удовлетворившись фабрикацией против меня в 1972 году политического «дела», избиениями, пытками, издевательствами и каторжным трудом в ваших тюрьмах и лагерях, вы даже после моего 4-летнего пребывания в заключении не хотите оставить меня в покое, дать возможность покинуть ваш «социалистический рай» и уехать в «капиталистический ад». Все это является грубейшим попранием Хельсинкских соглашений, Всеобщей декларации прав человека ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Советской Конституции.

Я еще раз подтверждаю свой отказ от советского гражданства, продолжаю требовать выезда из вашего «рая» и по-прежнему считаю ваш тоталитарный режим самым кровавым, лживым и лицемерным режимом, какой только был в истории человечества.

Да будет он навечно проклят!

Май 1977 г.

А.Болонкин

4. ОБРАЩЕНИЕ АКАДЕМИКА А.Д.САХАРОВА В ЗАЩИТУ А.БОЛОНКИНА

АС №4319

АС №4319. Андрей Сахаров. "Обращение в защиту Александра Болонкина", Горький, 3.5.81.

Обращение в защиту Александра БОЛОНКИНА

За десять дней до окончания второго срока в лагере арестован Александр БОЛОНКИН. Ему предъявлено обвинение по ст.70 часть вторая УК РСФСР /клеветнические измышления с целью подрыва или ослабления советского общественного и государственного строя/, что грозит ему еще десятью годами заключения и пятью годами ссылки сверх тех девяти лет жесточайших мучений и несправедливых репрессий, через которые он уже прошел. Математик-кибернетик БОЛОНКИН был арестован в первый раз вскоре после защиты им докторской

диссертации по теории управления. Он обвинялся в распространении самиздатского журнала "Хроника текущих событий" и тогда, в 1973 году, был осужден на четыре года лагерей и два года ссылки. Приговор этот совершенно незаконен, так как "Хроника" - чисто информационный журнал и не ставит себе целей подрыва или ослабления строя. Докторская диссертация БОЛОНКИНА не была утверждена Аттестационной комиссией, а рукопись его монографии похищена. По пути в лагерь его избивали, сломали руку. После отбытия 4-х лет в лагере и почти полного срока ссылки, за месяц до ее окончания он вновь арестован и осужден по сфальсифицированному обвинению еще на три года лагеря. И вот ему опять предстоит суд, на этот раз лагерный - с обычным в таких случаях лжесвидетельством других заключенных, вызванном угрозами, избиениями или обещаниями следователей.

Я обращаюсь к математикам - коллегам Александра БОЛОНКИНА в СССР и во всех странах, ко всем ученым, ко всем честным людям. Я обращаюсь к Главам всех правительств, подписавших Хельсинкский Акт, ко всем государственным и общественным деятелям, деятелям культуры и бизнеса, которые могут иметь влияние на советских руководителей, обращаюсь к Эмнести Интернейшнл. Выступите в защиту Александра БОЛОНКИНА.

3 мая 1981 года

Андрей САХАРОВ
лауреат Нобелевской премии Мира

5. ОБРАЩЕНИЕ ЕЛЕНА БОННЭР И ДР. ЧЛЕНОВ МОСКОВСКОЙ ГРУППЫ "ХЕЛЬСИНКИ" В ЗАЩИТУ А.БОЛОНКИНА

АС №4333

АС №4333.- 4 члена Моск. ОГС (Е.Боннэр и др.). Документ №166. "Заключение Александра Болонкина становится бессрочным" (Москва), 30.4.81.

Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР
30 апреля 1981 г. Документ № 166

Заключение Александра БОЛОНКИНА становится бессрочным

10 апреля 1981 г., за десять дней до окончания срока содержания под стражей по последнему приговору суда в лагере вблизи Улан-Удэ, арестован Александр БОЛОНКИН. Начальник следственного отдела КГБ ПРОЗОРОВ сообщил жене БОЛОНКИНА, что против него возбуждено дело по ч.2 ст.70 УК РСФСР и ведется следствие.

Александр БОЛОНКИН /1933 г.р./, математик-кибернетик, доктор технических наук /блестяще защищенная им диссертация не утверждена ВАКом в связи с арестом БОЛОНКИНА; в 1973 г. ВАК лишил его и звания кандидата наук/.

В сентябре 1972 г БОЛОНКИН был арестован и осужден к четырем годам заключения и двум годам ссылки по ч.1 ст.70 УК РСФСР /антисоветская агитация и пропаганда/ за хранение и распространение самиздатской литературы и документов.

После освобождения из лагеря БОЛОНКИН отбывал ссылку в пос. Багдарин Бур. АССР, где работал в мастерской комбината бытового обслуживания.

20 апреля 1978 г., за 26 дней до окончания срока ссылки, БОЛОНКИН был повторно арестован и осужден по искусственно созданному обвинению в

•частнопредпринимательской деятельности и хищениях” к трем годам заключения и 26 дням неотбытой ссылки. Во время пребывания в лагере Александр БОЛОНКИН /и по первому, и по второму приговору/ неоднократно подвергался преследованиям со стороны администрации: помещением в ШИЗО, ПКТ, лишением в связи с этим свиданий и т.п.

БОЛОНКИН неоднократно объявлял голодовки протеста.

20 апреля 1981 г. жена (1) и 14-летний сын (2) ждали освобождения Александра БОЛОНКИНА. Вместо известия об освобождении они получили сообщение о его новом аресте, уже в третий раз.

Поскольку в условиях лагеря никакая активная, в том числе и "антисоветская", деятельность практически невозможна, предъявление обвинения по ст.70 УК РСФСР просто абсурдно.

Наказание по ч.2 ст.70 УК РСФСР предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет с последующей ссылкой до пяти лет.

Так как Александр БОЛОНКИН уже отбывал наказание по ст.70 УК РСФСР, то он неизбежно будет признан опасным рецидивистом, что повлечет за собой отбывание наказания в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

После 9-летнего пребывания в лагерях и ссылке здоровье БОЛОНКИНА окончательно подорвано /хронический гастрит, холецистит, воспаление прямой кишки/, и новый длительный срок может стать для него пожизненным.

Мы обращаем внимание глав правительств, подписавших **Хельсинкский** Заключительный Акт, ученых всех стран и мировой общественности на трагическую судьбу Александра БОЛОНКИНА, чтобы сделать все возможно для его освобождения.

Члены Московской группы "Хельсинки":

Елена БОННЭР

Софья КАЛИСТРАТОВА

Иван КОВАЛЕВ

Наум МЕЙМАН .

1. Маргарита (Хр.40:20, 46:109).

2. Владимир; 1965 г.р., согласно приговору Мосгорсуда А. Болонкину и В. Балакиреву от 22.11.73 (АС №2631:1); ср. 1968 ("Список п/з СССР... Вести из СССР"). Перепечатка с фотокопии оригинала из АС.

6. ИЗ ПЕРЕДАЧИ РАДИО "СВОБОДА" (RFE-RL)

РАДИО СВОБОДА: ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ *ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО*
ОТДЕЛА РС 86/81 . 8 мая 1981 года

АЛЕКСАНДРУ БОЛОНКИНУ УГРОЖАЕТ ТРЕТИЙ СРОК

Ю. Вишневская

Лауреат Нобелевской премии мира академик Андрей Сахаров обратился к ученым и правительствам стран свободного мира с призывом выступить в защиту Александра Болонкина, которому угрожает новый срок - вплоть до 10 лет лишения свободы с пятью годами последующей ссылки - по обвинению в "антисоветской агитации и пропаганде" /ст. 70 часть 2 УК РСФСР/. Новое, уже третье, обвинение

Болонкину было предъявлено ему за 10 дней до окончания срока по его второму приговору, 10 апреля 1981 г. //.

Александр Александрович Болонкин родился 14 марта 1933 г. До ареста - доцент Московского высшего технического училища им. Баумана, доктор технических наук, автор около 40 научных работ. Болонкин был арестован 21 сентября 1972 г. и с тех пор практически ни дня не был на свободе, а только в заключении с почти 2-летним перерывом в виде ссылки в Забайкалье в Восточной Сибири.

Первый суд над Болонкиным состоялся в Москве 22 ноября 1973 г. Болонкину и его подельнику Валерию Балакиреву было предъявлено обвинение по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР. Конкретно Болонкину инкриминировалось: слушание и распространение передач зарубежных радиостанций на русском языке; изготовление множительного аппарата мимеографа и распространение на нем "Хроники текущих событий", журнала "Демократ", листовки за подписью "Гражданский комитет", "Моих показаний" Анатолия Марченко, "Просуществует ли Советский Союз до 1964 года?" Андрея Амальрика, перевода книги Роберта Конквиста "Великий террор" и других материалов.

Кроме того, в 1971-72 гг. Болонкин распространил в Самиздате примерно полтора десятка своих собственных, подписанных различными псевдонимами работ с критикой социального обеспечения и низкого уровня жизни трудящихся в СССР. В частности, под псевдонимом А. Васильев Болонкин написал большой труд под названием "Сравнение жизненного уровня трудящихся России, СССР и капиталистических стран. Статистические сведения" /2/. Совместно со своим подельником Балакиревым Болонкин издавал также самиздатский журнал "Свободная мысль". 22 ноября 1973 г. судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговорила его к 4 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки /3/.

В конце сентября 1976 г. Болонкин был сослан в пос. Багдарин Бурятской АССР. За два месяца до окончания ссылки он был арестован вновь по обвинению в "хищении собственной зарплаты". Во время следствия Болонкина избивали "и грозили убить руками уголовников", если он не признает себя виновным. Суд состоялся 4 августа 1978 г. в пос. Багдарин. На суде у него отобрали тексты закона, выписки из дела, не давали ему говорить. По свидетельству самого Болонкина, многие из представленных им документов исчезли из дела, а в ряде других документов следователи сделали подделки. Во второй раз Болонкин был приговорен по ст. 93 ч. 2 УК РСФСР "Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества" к максимальному сроку наказания по этой статье - 3 годам лагерей строгого режима и 26 дням неотбытой ссылки /4/.

Наказание по своему второму приговору Болонкин отбывал в "учреждении" ОВ-94/2-Б в пос. Южный Бурятской АССР. В этом лагере Болонкина несколько раз помещали в ШИЗО /штрафной изолятор, куда можно посадить на срок до 15 суток/ и дважды на 6 месяцев в ПКТ /помещение камерного типа/. В результате жестокого обращения с ним Болонкин заразился дизентерией, заболел хроническим бронхитом, радикулитом, гастритом и другими заболеваниями. 6 мая 1980 г., почти за год до своего третьего "ареста", Болонкин направил письмо Генеральному прокурору СССР и министру внутренних дел СССР, где предупреждал:

Администрация без стеснения говорит, что за оставшийся год заключения меня либо заколотят в гроб, либо полностью подорвут мое здоровье, либо сфабрикуют новое дело /5/.

2. АС №1670.
3. Приговор по делу Балакирева и Болонкина см. АС №2631; о суде см. "Хронику" # 30, стр. 5.
4. АС 1*3624; РС 125/78 "Второй суд над Александром Болонкиным"; "Хроника" # 51, стр. 31-32.
5. "Хроника" # 53, стр. 95, "Хроника" # 55, стр. 28; "Хроника" # 56. стр. 112-113; "Хроника" # 57, стр. 87-88; "Вести из СССР", ред. Кронид Любарский, 1980, ##18-41 и 20-30.

7. Александру Болонкину

Валерий Рубин

Перед пропастью страшной
обмирает душа...
Я Болонкина Сашу
обнимаю, спеша.

То ли передо мною
он на миг постарел,
то ли перед страную,
где он столько сидел.

Вот он — в сером костюме,
поприбавил морщин...
Я его после тюрем
провожаю один.

Объявляется вылет
и не выдержать мук,
сколько в карцерах вынес
этот доктор наук.

Не подумаешь, встретья,
что колючкой крещен...
Это в наше-то время?!
А в какое ж еще?!

Вот уже он с вещами,
переходит черту...
Невиновных — прощают,
никогда — правоту.

Вот его у оконца
человек обыскал...

На энергии солнца
он поднимает корабль.

Вот он встал вдруг и замер,
поднимает кулак...
Мол, уходит не насмерть!
Но для нас это так.

Вот он издали машет,
как на том берегу
и помочь тебе, Саша,
я уже не могу.

1988г.

Валерий РУБИН - известный советский поэт и писатель. Публиковался в ведущих советских литературных журналах "Новый мир", "Знамя", "Юность". В 1981 году опубликовал ряд своих критических стихотворений на Западе в журнале "Континент", а затем их читали по "Голосу Америки". За что подвергался преследованиям в СССР. В 1994г вышла его книга "Обыск".

Михаил Литвин

ДИССИДЕНТУ Александру Болонкину

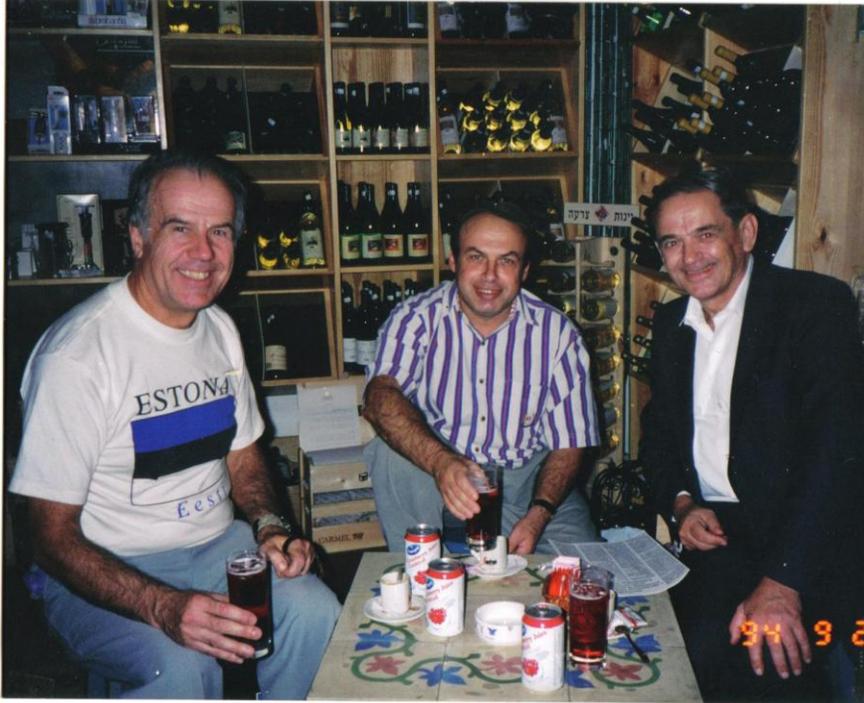
Ты странною своею был бит и гоним.
Много лет лагерей, а финал:
Не вдыхать тебе больше отечества дым,
Где за правду полжизни отдал.

Помнишь БУРов мордовских зловонную пасть?
Был унижен ты, но не сражен.
Хоть сменила личину преступная власть,
Может зря все же лез на рожон?

Ты уже не внутри, но еще и не вне,
Чтобы памяти голос затих.
Кто у власти был – тот и сейчас на коне,
Ну а прочие все – при своих.

Ты прости, если что-то сказал я не так.
Надо нам эту песню допеть.
Выпьем водочки, вспомним проклятый Сиблаг,
Шахты клеть, произвола плеть.

Рано тлеть нам, душа еще хочет гореть,
 Ей до срока не выгореть в шлак.
 А России пока что болеть и болеть,
 Ведь свободы приспущен флаг.
 2004

Встреча бывших советских политзаключенных в Израиле в 1994 г. Справа - Александр Болонкин, в середине - Анатолий Щеранский (он станет Министром промышленности Израиля), слева - член Парламента Эстонии.

Встреча бывших советских политзаключенных в Израиле в 1994 г. Слева Александр Болонкин в середине Вячеслав Черновил (он был Председателем Движения "Рух" и

кандидатом в Президенты Украины), справа Сусленский - председатель Общества "Украинско - Израильской дружбы".

Слева бывший советский политзаключенный Сергей Ковалев - бывший депутат российской Думы и советник Президента России Бориса Ельцина по правам Человека. Справа Александр Болонкин.

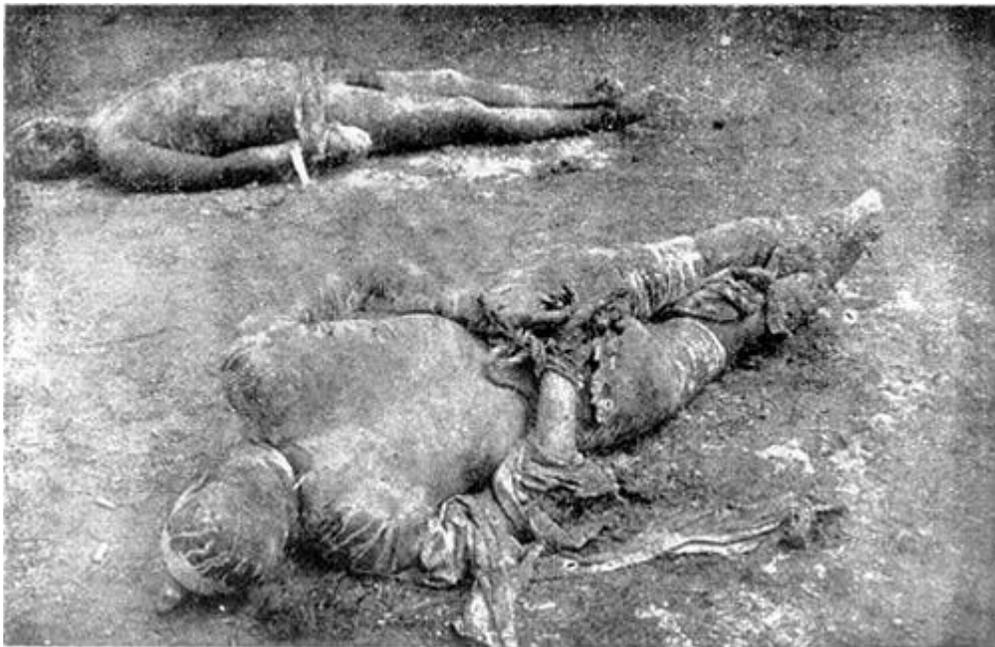
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Зверства коммунистического режима в бывшем СССР

После получения Украиной независимости стали известны некоторые жестокости коммунистического режима в бывшем СССР. Ниже фотографии некоторых раскопок.

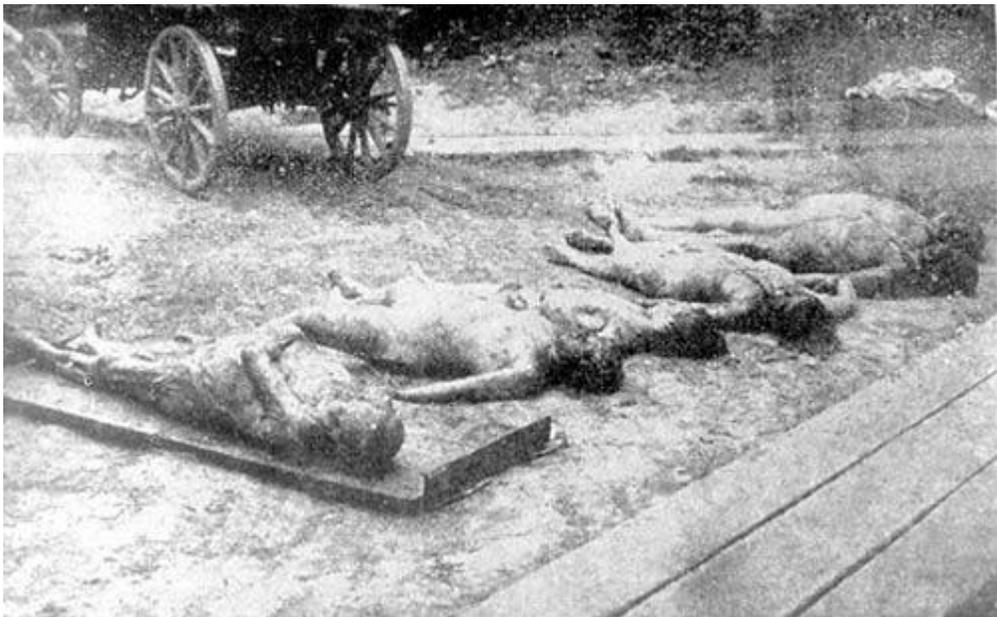
Тела четырех крестьян-заложников (Бондаренко, Плохих, Левенец и Сидорчук). Лица покойников страшно изрезаны. Особым изуверским образом изуродованы половые органы. Производившие экспертизу врачи высказали предположение, что такой прием по степени своей болезненности превосходит все доступное человеческому воображению.

Хуторяне И. Афанасюк и С. Прокопович, заживо оскальпированные. У ближнего, И. Афанасюка, на теле следы ожогов от раскаленной шашки.

Труп заложника Ильи Сидоренко, владельца кожного магазина в городе Сумы. У убитого переломаны руки, сломаны ребра, вырезаны половые органы. Замучен красными в Харькове.

Харьков. Трупы замученных женщин-заложниц. Вторая слева С. Иванова, владелица молочного магазина. Третья слева - А. И. Карольская, жена полковника. Четвертая - Л. Хлопкова, помещица. У всех заживо вырезаны и вылуцены груди, половые органы обожжены и в них найдены уголья.

Трупы заложников, найденные в херсонской ЧК в подвале дома Тюльпанова.

Двор харьковской губчека (Садовая улица 5) с трупами казненных.

Тела трех рабочих-заложников с бастовавшего завода. У среднего, А. Иваненко, выжжены глаза, отрезаны губы и нос. У других - отрублены кисти рук.

Раскопки одной из братских могил у здания харьковской ЧК.

Конец